

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.948

О. Н. Безрукова, В. А. Самойлова

ОТЦОВСТВО И ПОДДЕРЖКА ОТЦОВ: ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовство и поддержка отцов: тренды современных зарубежных исследований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 233—272. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.948>.

For citation:

Bezrukova O. N., Samoylova V. A. (2020) Fatherhood and Support for Fathers: Trends in Modern Foreign Studies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 233—272. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.948>. (In Russ.)

ОТЦОВСТВО И ПОДДЕРЖКА ОТЦОВ: ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖ- НЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

БЕЗРУКОВА Ольга Николаевна — кандидат социологических наук, и. о. заведующей кафедры социологии молодежи и молодежной политики факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: onbezrukova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

САМОЙЛОВА Валентина Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы факультета социологи, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: v.samojlova@spbu.ru

<http://orcid.org/0000-0001-5412-0575>

Аннотация. Статья представляет собой анализ зарубежных исследований отцовства, посвященных социальным проблемам и потребностям отцов, препятствиям в становлении идентичности вовлеченного отца и реализации данной модели на практике, направлениям социальной поддержки отцов. Ее актуальность обусловлена недостатком теоретических знаний о феномене отцовства, отсутствием обзорных работ, в которых бы обобщался накопленный опыт исследований поддержки отцовства, развития профилактических мер, программ и социальных услуг, учитывающих потребности и ресурсы разных групп отцов, практически полным отсутствием российских данных об отцах, относящихся к уязвимым группам, переживающим жизненные трудности. Рассматриваются работы, в фокусе которых отцы со-

FATHERHOOD AND SUPPORT FOR FATHERS: TRENDS IN MODERN FOREIGN STUDIES

Olga N. BEZRUKOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Acting Head of the Department of Youth Sociology and Youth Policy, Faculty of Sociology

E-MAIL: onbezrukova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Valentina A. SAMOYLOVA¹ — Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Theory and Practice of Social Work, Faculty of Sociology

E-MAIL: v.samojlova@spbu.ru

<http://orcid.org/0000-0001-5412-0575>

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article analyzes foreign studies devoted to fatherhood, fathers' social problems and needs, barriers to father's involvement and putting this model into practice, and focus areas of social support for fathers. The topic is relevant due to the lack of theoretical knowledge of the fatherhood phenomenon, the absence of overviews which would sum up the vast accumulated experience from research in the area of fatherhood support, preventive programs, social strategies taking into account the needs and resources of diverse groups of fathers, an almost complete lack of information on vulnerable groups of fathers experiencing hardships in Russia. The article examines the works that focus on socially vulnerable groups of fathers: minor, lonely fathers, step-fathers, those having children with disabilities, divorced fathers, transnational migrants, immi-

циально уязвимых групп: несовершеннолетние, одинокие, отчимы, имеющие детей с ограниченными возможностями здоровья, разведенные, транснациональные мигранты, иммигранты, с зависимым поведением, правонарушители, заключенные, склонные к домашнему насилию, гомосексуалы и др. Представлены характеристики отцов и их семей, негативно или позитивно влияющие на реализацию отцовской роли. Сделан вывод о том, что дефицит личностных, социальных, финансовых, информационных ресурсов препятствует становлению отцовской роли и затрудняет реализацию отцовского потенциала. Выделены культурные, информационные, экономические, структурные, институциональные барьеры, препятствующие вовлечению отцов в воспитание детей. Показано, что представленные в работах зарубежных авторов программы поддержки отцовства можно объединить в следующие группы: адресованные отцам и ближайшему окружению, социальные услуги и меры структурной поддержки отцов, информационные и онлайн-программы. Установлено, что ключевой задачей специалистов при работе с целевой группой отцов является создание «заботливой» маскулинности и позитивной идентичности ответственного отца: это способствует не только усилению родительской самоэффективности, развитию родительских навыков, но и преодолению отцами жизненных трудностей.

Ключевые слова: отцовство, маскулинность, ответственное отцовство, вовлеченное отцовство, отцы социально-уязвимых групп, социальная поддержка, программы поддержки отцов, семейная политика

grants, those with addictive behavior, delinquents, prisoners, those prone to domestic violence, homosexuals, etc. The paper provides characteristics of fathers and their families which have either negative or positive effects on the implementation of the father's role. The authors conclude that the lack of personal, social, financial, information resources make the implementation of father's potential more difficult. The study describes cultural, information, economic, structural and institutional barriers which prevent fathers from being involved in child rearing. The fatherhood assistance programs presented in the foreign studies can be grouped in the following way: (1) programs aimed at fathers and their nearest circle, (2) social services and structural measures to support fathers, and (3) information and online programs. According to the authors, the key idea addressed to specialists working with the target group of fathers is to create careful masculinity and positive identity of a responsible father: this would strengthen parenting self-efficacy, help develop parenting skills and, more importantly, help fathers overcome hard times.

Keywords: fatherhood, masculinity, responsible fatherhood, involved fatherhood, social support, father support programs, family policy, fathers in vulnerable groups

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-011-00543.

Acknowledgments. The study was funded by the RFBR, project no. 19-011-00543.

Введение

В современном обществе происходит стремительное переосмысление роли отца в жизни детей, традиционные представления о нем как о преимущественно защитнике и кормильце трансформируются в идеологию «вовлеченности» в повседневную заботу и воспитание ребенка. Демократизация социальных отношений ведет к переходу от власти отца к парадигме «отцовского авторитета» [LaRossa, 1997], проявляется в позитивных изменениях в установках и практиках организации семейной жизни, основанных на ценностях равноправия, солидарности и справедливости в распределении обязанностей не только в бытовой сфере, но и в воспитании детей.

Все чаще признается, что отцы играют важную роль в достижении социального, когнитивного, эмоционального и физического благополучия ребенка [Cabrera et al., 2002; Cabrera 2007; Lamb, 2010; Levtoev et al., 2015: 40—44]. Изучение влияния отцов в контексте когнитивного развития показывает, что дети вовлеченных отцов (involved fathers) демонстрируют более высокие интеллектуальные и языковые способности, лучше успевают в учебе [Wilson, Prior, 2011].

По данным исследований, посвященных вкладу отцов в развитие личности ребенка, дети вовлеченных отцов чаще демонстрируют самоконтроль и просоциальное поведение [Parke, 1996], склонны быть более эмоционально уравновешенными, уверенно исследуют окружающую среду, а когда становятся старше, имеют лучшие социальные связи со сверстниками [Lamb, 2002], в школьном возрасте менее подвержены депрессии, реже проявляют разрушительное поведение, легче справляются с напряжением и фрустрацией, чем дети с менее вовлеченными отцами [Mosley, Thompson, 1995]. Изучается также взаимосвязь участия/неучастия отцов в воспитании с формированием отношений привязанности, специфических поведенческих проблем у детей, наличием страхов у подростков, использованием дисциплинарных практик и др. [Burgess, 2006; Laporte et al., 2011; Lamb, Lewis, 2013; Leidy, Schofield, Parke, 2013].

Рассматриваются ролевые модели отца, особенности культурных и национальных контекстов, специфика влияния отцов на дочерей и сыновей [Lamb, 2004; Shwalb, Shwalb, Lamb, 2013; Leidy, Schofield, Parke, 2013; Cabrera et al., 2014; DeGeer, Carolo, Minerson, 2014]. Установлены такие позитивные эффекты вклада отцов — приверженцев эгалитарных отношений в семье, как осознание девочками своих прав и возможностей и выраженность установок гендерного равенства у мальчиков [Levtov et al., 2014], формирование у девочек высокой самооценки и дружеских отношений со сверстниками [Flouri, Buchanan, 2003; Schacht, Cummings, Davies, 2009], успешное преодоление подростковых кризисов, рискованных моделей поведения [Allen, Daly, 2007].

Согласно данным, большинство матерей хотят, чтобы отец принимал более активное участие в семейной жизни и воспитании детей, и лишь немногие отка-

зались бы от его поддержки или заявляли о случаях насилия отца по отношению к ним и детям [Dispelling Myths..., 2000]. Высока потребность в проявлении эмоциональной теплоты, чуткости, равнодушии отцов у детей раннего возраста и подростков, взрослых детей [Fabricius, 2003]. Влияние отцов не заканчивается с детством, подростки, у которых есть поддерживающий отец, заинтересованный в их обучении, имеют лучшие академические достижения и более высокий уровень образования [King, Sobolewski, 2006], меньше проблем с социальной адаптацией, злоупотреблением психоактивными веществами, реже совершают преступления [Sarkadi et al., 2008]. Позитивные последствия для взрослой жизни близких отношений с отцом, когда подросткам было 16 лет, проявились в более высокой удовлетворенности браком и менее выраженном стрессе у молодых людей в возрасте 33 лет [Flouri, Buchanan, 2002].

Вместе с тем фокус внимания специалистов социальных служб, системы здравоохранения, учреждений образования в основном направлен на матерей как «главных» родителей, ответственных за благополучие детей. Отцы по-прежнему остаются в тени, их отсутствие или пассивность не считается важной проблемой [Franck, 2001; O'Donnell, 1999].

Перемены и запрос общества на создание «заботливой» маскулинности не всегда совпадают с осознанием и восприятием самими мужчинами своих проблем, с потребностями отцов в информации и социальных услугах, с соблюдением их прав на здоровье и благополучие, на воспитание детей. Исследования показывают, что отцы нередко рассматривают персонал учреждений здравоохранения, педагогов и социальных работников в качестве фактического барьера для активизации своего участия в жизни семьи, считают их скорее помехой, чем группой поддержки в трудной жизненной ситуации [Docherty, Dimond, 2018].

Вопросы поддержки отцовства, развития профилактических мер, программ и социальных услуг, учитывающих потребности и ресурсы разных групп отцов, актуализируют внимание на недостатке теоретических знаний о феномене отцовства, на практически полном отсутствии российских данных по данным вопросам. В единичных качественных исследованиях в основном изучаются представители среднего класса. В то же время отцы, относящиеся к уязвимым группам, переживающие жизненные трудности, должны быть объектом повышенного внимания исследователей, чтобы специфика их проблем и потребностей была учтена при разработке комплексных гендерно чувствительных социальных услуг.

Цель статьи заключается в анализе зарубежных исследований, посвященных отцовству и практикам отцов. Основные исследовательские задачи включают изучение социальных проблем и потребностей отцов, препятствий и барьеров в становлении их идентичности «хорошего» отца и реализации модели вовлеченного отцовства, направлений и мер поддержки отцов социально уязвимых групп.

Теоретические основания исследований

Теоретическая рамка концептуализации ответственного и вовлеченного отцовства в западном социологическом дискурсе выстраивается в контексте анализа изменений гендерного порядка в современном обществе, проявляющегося в разрушении традиционной системы гендерного разделения труда, сглаживании

дифференциации мужских и женских профессиональных ролей, занятий и сфер деятельности, выравнивании статусных позиций, демократизации социокультурных норм и ожиданий, возникновении многомерности нормативных канонов маскулинности, что приводит к ослаблению нормативной поляризации и формированию более индивидуальных стилей жизни современных мужчин и женщин [Connell, 1995; Levant, 1997; Morgan, 2006; Кон, 2009: 99—104]. Отмечается «беспрецедентность глобальной ломки» гендерного порядка [Кон, 2009: 98], сложность, неравномерность, противоречивость масштабов, темпов и глубины изменений и соответствующих ему образов маскулинности в разных странах, социально-экономических слоях, социально-возрастных группах, типах мужчин [Кон, 2009: 104]. При этом ключевыми агентами, влияющими на трансформацию гендерного порядка, запускающими процесс слома внутренних барьеров традиционного мужского сознания и овладения новыми социальными практиками, выступают женщины [Morgan, 2006: 111—112; Кон, 2009: 103—104].

Подобные тенденции характеризуют и фундаментальные сдвиги в семейных отношениях и социокультурном контексте, в котором развиваются дети (расширенное участие матерей в оплачиваемой работе вне дома, рост числа разводов, семей с одним родителем, более активное участие отцов в воспитании детей, развитие услуг по уходу за детьми, культурное и этническое многообразие семей). Эти сдвиги, с одной стороны, порождают новые функции мужчин в семье, более равноправные отношения и практики отцов и матерей, ранее неизвестные и непривычные новые формы брака, семьи, родительства, с другой — ставят под сомнение универсальную концепцию отцовства. Традиционное отцовство подвергается эрозии, инструментальная роль отца в семье — кормильца, наставника, носителя власти, силы, дисциплинатора — как преобладающая конструкция отцовства в XXI веке меняется, происходит переосмысление и научная концептуализация новых моделей отцовства [LaRossa, 1997; Doherty, Kouneski, Erickson, 1998; Cabrera et al., 2002; Coltrane, 2004; Lengensdorf, Meuser, 2016 etc.]. Социальные изменения приводят к коррекции общественных идеалов, возникает запрос на рефлексивность, сензитивность, эмоциональную заботу отцов, получают распространение нетрадиционные формы отцовства (одинокие, приемные, разведенные, дистантные, гомосексуальные, транснациональные и др. отцы). Результаты исследований со всей очевидностью показывают, что теоретические модели воспитания детей должны быть переформулированы, чтобы приспособиться к новым семейным структурам, а также культурно разнообразным представлениям об отцовстве [Cabrera et al., 2002].

В зарубежной научной литературе отцовство (fatherhood) понимается, с одной стороны, как социальный институт, система прав, обязанностей, социальных ожиданий и требований, предъявляемых к мужчине как родителю и коренящихся в нормативной системе культуры; с другой — как индивидуальная и рефлексивная социальная практика (fathering), комплексное и разнонаправленное явление, сложный феномен, включающий множество компонентов и подвергающийся различным факторам воздействия [LaRossa, 1997; Doherty, Kouneski, Erickson, 1998; Coltrane, 2004; Plantin, Olukoya, Ny, 2011].

В фокусе исследователей — вопрос о том, как отцы из разных групп строят свою мужскую идентичность. При этом маскулинность в контексте критических

исследований мужчин рассматривается как понятие, обозначающее социально сконструированные ожидания, касающиеся поведения, переживаний, стиля социального взаимодействия, соответствующего мужчинам, представленные в определенной культуре и субкультуре в определенное время [Connell, 1995; Бёрд, 2008]. Несмотря на то, что модель вовлеченного отца не анализируется в концепции Р. Коннелл [Connell, 1995], исследовательская оптика изучения гегемонной маскулинности позволяет оценить социальные изменения в ортодоксальной мужской идентичности, становление «заботливой» маскулинности, «новой культуры» отцовства и развитие недоминантных маскулинностей [Pleck, 1987; LaRossa, 1988; Lengersdorf, Meuser, 2016; Ruby, Scholz, 2018 etc.].

Ключевым теоретическим подходом при изучении отцовства в контексте маскулинности выступает идентификация множественности маскулинностей и соответственно моделей, сценариев и траекторий отцовства [LaRossa, 1988; Connell, 1995; Marsiglio, 2009; Кон, 2009]. Рассмотрение структуры факторов становления отцовства, процесса вовлеченности в родительскую роль, анализ принятия родительской роли — важный этап в научном осмыслении феномена отцовства и развития помогающей практики [Doherty, Kouneski, Erickson, 1998; Gillies, 2009; Chan, Adler-Baeder, 2019]. Многоликий ландшафт отцовства чаще раскрывается в противостоящих друг другу позитивных и негативных образах. Общая тенденция состоит в рассмотрении современной мужественности как континуума от проблематичной, кризисной или маргинальной до развивающейся, генеративной и продуктивной.

Главным подходом при анализе гендерного порядка современности в контексте критических исследований мужчин и маскулинности исследователи считают логику интерсекционального анализа [Здравомыслова, Тёмкина, 2018: 52], позволяющего объяснить «кризис маскулинности» как проблематизацию мужского опыта» и предполагающего «диагностику проблем мужского бытия в контексте издержек мужской гегемонии, непредвиденных и явных последствий жестко определяемой доминирующей роли и отвержения всех и всего, что с ней не согласуется» [там же: 63]. Поскольку в латентной зоне остаются рискованные, нерелевантные, неуловимые и совершенно невидимые отцы из труднодоступных и социально уязвимых групп, логика интерсекционального подхода позволяет вскрыть закономерности и объяснительные модели обладания властью, дивидендами или, напротив, отсутствие жизненных шансов, ресурсов, привилегий.

Теоретическая рамка интерсекционального анализа дает возможность «увидеть», по словам Е. Здравомысловой и А. Тёмкиной, «комплексное взаимообусловливание множественных систем неравенства» и «то, как формируются разные типы маскулинности и связанные с ними привилегии. Одни позиции обеспечивают мужчинам, которые их занимают, власть и ресурсы, другие — маргинализуются и подвергаются исключению. При этом властный потенциал мужской позиции определяется такими социальными параметрами, как принадлежность к классу, этничность, расовая категория, сексуальная идентичность» [там же: 53—54].

Другой методологический подход — отцы и отдельные траектории отцовства рассматриваются в контексте дискурса о гендерном равенстве, изменении социальной роли женщин, общественных дискуссий о правах и интересах детей, конфигурации семейной политики, при этом структурные, культурные и соци-

альные изменения способствуют преобразованию семей, развитию отцовских практик, продвижению новых услуг для отцов [Hobson, Lewis, Siim, 2002; Kalmijn, 2015; Andreasson, Johansson, 2019]. В рамках социальных, институциональных, политических и законодательных основ исследователи предлагают опираться на понимание потребностей и проблем уязвимых отцов, развивать семейные, дружеские и профессиональные сети поддержки в контексте социальной работы с семьями [Walker, 2010; Hussey, Kanjilal, Nathan, 2016].

Проблемы отцов из социально уязвимых групп

Важным направлением современных западных социологических исследований отцовства является рассмотрение проблем отцов за пределами нуклеарной семьи, смещение фокуса при анализе отцовства с нормативной модели семьи на разнообразие семейных структур и практик [Kennedy, Fitch, 2012; Perelli-Harris et al., 2012; Musick, Michelmores, 2014].

Изучаются специфические условия формирования отцовской идентичности в семьях повторного брака, в которых отцы проживают вместе с родными и/или неродными детьми [Lippman, Wilcox, Ryberg, 2013]; ситуации, приводящие к напряженности и спутанности ролей, восприятие папы ребенком, примеры заботливого и ответственного поведения приемных родителей [Rosenberg, Wilcox, 2006] или, напротив, проявлений насилия со стороны неродных отцов (отчимов) (stepfathers), которых исследователи чаще оценивают как более склонных к разным видам насилия по отношению к детям [Brown et al., 1998; Taylor et al., 2010].

Особой группой отцов для исследователей выступают так называемые *подпольные отцы* (underground fathers), или *теневые отцы* (shadow fathers) — мужчины, которые проявляют заботу о детях, но отказываются участвовать в качестве отцов в формальных семейных структурах [Brown et al., 1998; Loppo, DeLeire, 2014; Ewart-Boyle, Manktelow, McColgan, 2015].

Большую и разнородную группу составляют *отцы детей с ограниченными возможностями здоровья* (fathers of children with disabilities), в то же время есть и специфические объединяющие моменты, в частности при рождении ребенка с нарушениями здоровья эта специфика проявляется в остроте переживаний, сложной гамме чувств, которая, наряду с радостью, включает разочарование, боль, страх. Острая эмоциональная реакция на ситуацию ограничивает способность отца признать или понять болезнь ребенка и заботиться о нем, приводит к иррациональным решениям «исправить это», к выбору стратегий ухода от проблемы, отчуждению и неучастию [Falk, Norris, Quinn, 2014; Rankin et al., 2019 etc.].

Актуализируются потребности отцов в нахождении ресурсов, позволяющих им справляться с трудной ситуацией и поддерживать своих детей с особенностями развития, в частности детей с синдромом Дауна [DeFalco et al., 2008; Docherty, Dimond, 2018]. Несмотря на повышение отцовского участия в уходе за детьми в последнее время, поддержка отцов чаще рассматривается как «вторичная», и пока мало известно о ее характере, разнообразии и воздействии на благополучие детей-инвалидов и семьи в целом, предпринимаются лишь отдельные попытки типологизации участия отцов и описания более полной картины внутрисемейного взаимодействия [West, Honey, 2016].

Для этих отцов остро стоит вопрос интеграции семьи и работы [Sellmaier, 2019], им приходится менять модели работы и рабочие часы, становиться самозанятыми и др. [Venter, 2011]. В то же время выгоды, полученные, например, в результате корректировки рабочего графика, могут быть нивелированы последствиями «стигмы гибкости» — негативным отношением к мужчинам-работникам, не соответствующим традиционным гендерным ожиданиям [Berdahl, Moon, 2013].

Экономические условия рассматриваются исследователями в качестве факторов формирования отцовского поведения: низкий уровень доходов, как правило, коррелирует с низкой вовлеченностью отцов в заботу о детях. Б. Кноп и К. Брюстер, используя данные мужчин-респондентов из национального обследования развития семьи 2012—2015 гг., показали, что в период экономической рецессии доля вовлеченных в уход отцов резко упала, но стала восстанавливаться в последующие годы [Кноп, Brewster, 2016].

Отцы-подростки и молодые отцы (adolescent and young fathers) с низким уровнем образования и дохода, статусом безработного или временно занятого, с высоким риском отказа от поддержки матери и новорожденного изучаются в контексте правонарушений и преступного поведения [Pears et al., 2005], развода родителей, домашнего насилия, которому они подвергались в раннем детстве, несформированности позитивных представлений о роли отца [Tan, Quinlivan, 2006], дискриминации со стороны сотрудников системы здравоохранения, образования и социальных служб [Bunting, McAuley, 2004]. Исследования показывают, что *юные отцы* часто не справляются с личностными кризисами и стрессами [Cundy, 2016], трудными отношениями/конфликтами с бабушками и дедушками, со своими детьми [Neale, Lau-Clayton, 2014], испытывают потребность в формировании идентичности «хорошего отца» и отцовской ответственности [Lemay et al., 2010], нуждаются в юридической и психологической поддержке при выстраивании отношений с матерью и ребенком [Cundy, 2016].

Отцы-правонарушители (offender fathers), *отцы-заключенные* (incarcerated fathers) или освободившиеся из мест заключения рассматриваются исследователями в контексте дефицитной модели отцовства, стигматизации родственниками/матерями, которые ограничивают их возможности проявить отцовство, провоцируя избегание контактов, пренебрежительное отношение, недоступность семейной поддержки [Arditti, Smock, Parkman, 2005: 270]. Отцы часто чувствуют себя покинутыми и беспомощными по отношению к своим детям, что порождает у них подавленность и депрессию [Clarke et al., 2005], блокирует эффективное родительское поведение [Gadsden, Rethemeyer, 2003].

История семейного воспитания этих отцов описывается ими как сложная и непредсказуемая, большинство выросли в неблагополучных семьях, с «отсутствующими» отцами, в том числе с находящимися в тюрьмах [Dallaire, 2007], в семьях одиноких матерей или приемных, конфликтующих между собой родителей, в государственных учреждениях, жили в условиях бедности, отсутствия социальной поддержки, стабильных отношений с окружающими [Buston et al., 2012]. В своей семье они пережили опыт физического насилия и пренебрежительного отношения, не получили хорошего воспитания и образования [Coley, Hernandez, 2006; Hofferth et al., 2002; Swisher, Waller, 2008; Wilderman, 2010].

Разведенные отцы (non-resident fathers) в европейских странах все еще являются недостаточно изученной группой, а значительная часть посвященных им исследований проведена в США [Scott et al., 2013]. По сравнению с состоящими в браке, американские разведенные мужчины, как правило, сообщают о более низких доходах и недостаточном благосостоянии домохозяйств [Zhang, Hayward, 2006], худшем физическом и эмоциональном состоянии [Eggebeen, Knoester, 2001]. В других исследованиях выявлено, что в процессе и после развода мужчины часто находятся в состоянии кризиса, что влечет за собой ухудшение здоровья, возрастание риска маргинализации и одиночества [DeGarmo et al., 2010].

Исследование, проведенное в Великобритании, показало, что *отцы-нерезиденты* составляют разнородную группу по своим социально-демографическим, экономическим и семейным характеристикам, по характеру связей со своими детьми. Выделено четыре группы: «вовлеченные» (engaged fathers), «менее вовлеченные» (less engaged fathers), «отстраненные» (disengaged fathers) и «отдаленные» отцы (less engaged fathers) [Poole et al., 2016: 241—242]. Степень участия в жизни детей взаимосвязана с ресурсами, которые отцы могут им передавать, а позднее оказывает влияние на поддержку взрослыми детьми своих стареющих отцов [Daatland, 2007; Kalmijn, 2007; Lin, 2008; Seltzer, Bianchi 2013]. Одни *разведенные отцы* (non-resident fathers) поддерживают частые контакты и являются влиятельными фигурами в жизни ребенка, другие теряют контакт или вступают в повторный брак и переносят свои ресурсы в новую семью [Manning, Smock 1999; Cheadle, Amato, King, 2010].

Большинство авторов, изучая отношения отцов с детьми после развода, сосредоточили внимание на таких факторах, как возраст ребенка при разводе, договоренности родителей об опеке, смена места жительства и работы отца [Aquilino, 2006]; другие исследовали влияние на развод социального контекста, культурного климата, институциональных и неформальных норм, уровня экономического развития страны [Kalmijn, 2008], периода времени/исторического этапа, в который происходит развод [Albertini, Garriga, 2011], этнической или расовой группы, к которой принадлежат родители [Kalmijn 2010; King, Harris, Heard, 2004]. По данным сравнения в четырех странах (Англии, Германии, Швеции и Нидерландах), самые благоприятные отношения у детей с отцом после развода в Швеции, что во многом связано с более частым совместным воспитанием детей родителями, а наименее благоприятные — в Германии, по крайней мере с точки зрения частоты еженедельных контактов [Kalmijn, 2015: 271]. Исследование контактов с отцом среди взрослых детей в десяти европейских странах выявило сходную закономерность: более сильные негативные последствия развода для контакта отца и ребенка обнаружены в странах с менее выраженной эгалитарной семейной политикой [Kalmijn, 2008].

В североамериканских и английских исследованиях было установлено, что возраст [Manning, Stewart, Smock, 2003], доход [Swiss, LeBourdais, 2009; Naux, Plat, Rosenberg, 2015], профессиональный статус и занятость [Kalmijn, 2015], религиозность [King, 2003] позитивно влияют на связи разведенного отца со своим ребенком. По сравнению с отцами, которые никогда не были женаты на матери ребенка, разведенные отцы, как правило, чаще общаются со своими детьми

[Amato, Meyers, Emery, 2009]. Чем образованнее отцы, тем активнее они участвуют в воспитании детей [Cheadle, Amato, King, 2010; Hook, Wolfe, 2012].

Существует положительная связь между финансовой поддержкой детей и контактами с ними [Amato, Meyers, Emery, 2009; Cheadle, Amato, King, 2010], когда у отцов мало финансовых ресурсов, они с меньшей вероятностью будут платить алименты, что может ограничивать их участие в жизни ребенка [Arditti, Keith, 1993; Hofferth, Forry, Peters, 2010; Kalmijn, 2015]. Так иммигранты, как правило, имеют небольшие заработки, у них в среднем более низкий уровень образования, они чаще являются безработными [Heath, Rothon, Kilpi, 2008; van Tubergen, Maas, Flap, 2004].

В исследовании М. Калмийна обнаружено, что большинство *отцов-иммигрантов* меньше вовлечены в воспитание детей во время брака, и после развода их связи с детьми слабее. В зоне риска находятся дети из смешанных браков, в которых *отец иностранец*, что чаще приводит к потере контакта с детьми после развода и переезда отца в другую страну [Kalmijn, 2015: 270—272]. В то же время отцы-иммигранты во втором поколении более восприимчивы к современным гендерным ролям в семье, более терпимы к разводу, чаще поддерживают своих детей после развода [De Graaf et al., 2011].

Общение с обоими родителями крайне важно для психоэмоционального благополучия ребенка [Bergström et al., 2014]. Метаанализ 40 исследований показал, что дети, которые проводили 35 % и более времени с каждым родителем, имели более устойчивые показатели эмоционального благополучия и более дружеские отношения с разведенными родителями, чем те, кто жил в основном со своими матерями и проводил мало времени с отцами [Nielsen, 2014].

Данные британских обследований, объединяющие отчеты матерей в пяти волнах когортного исследования, показали, что восемь из десяти детей находились в контакте со своим отцом после развода родителей [Haux, Platt, Rosenberg, 2015]. Если в 1980-х годах только у 1 % шведских детей родители имели совместную опеку после развода и проживали в равной мере с каждым из родителей, то в начале 2000-х годов этот показатель составил 20 %, а в 2014 г. увеличился до 35 % [Demographic Reports, 2014].

Более тесные связи между отцами и детьми могут быть отражением изменившегося международного ландшафта отцовства, в котором отцы последовательно строят более равноправный сценарий, стремясь в большей степени оставаться в жизни своих детей [Miller, 2011]. Одна из причин, по которой развивается вовлеченное отцовство после развода, — это нежелание повторять собственный опыт жизни с одним родителем [Bradshaw et al., 1999].

Хотя, как и прежде, среди родителей-одиночек подавляющее большинство составляют матери, постепенно растет количество *одиноких отцов* (single fathers), которые выступают основными опекунами своих детей [Lee, Hofferth, 2017]. Одна из тем немногочисленных исследований, посвященных таким семьям, — это содержание и специфика родительских функций отцов по сравнению с матерями. Анализ четырех категорий, выделенных в деятельности по уходу за ребенком (рутинный уход, игры, управление и обучение), показал, что одинокие отцы посвящают значительно меньше времени уходу за детьми, чем одинокие матери (сред-

нее время отцов составляет 54 минуты, матерей — 1 час 39 минут), затрачивая значительно меньше времени во всех видах деятельности по уходу за ребенком, чем матери, кроме игр [ibidem]. Эти данные подтверждают более ранние исследования [Dufur et al., 2010; Hook, Chalasani, 2008] и укладываются в гендерную парадигму, согласно которой женщины и мужчины ведут себя в соответствии с социальными ожиданиями и нормами в отношении своего пола. В результате поддерживаются различия, которые считаются естественными и закономерными, и правомерно и в будущем ожидать, что одинокие отцы будут проявлять меньше участия по сравнению с матерями в большинстве мероприятий по уходу за детьми, что создает определенные риски для благополучия их детей. В то же время отмечается, что структурные характеристики ближайшего окружения влияют на баланс родительских функций, гендерные различия в общем времени ухода за детьми смягчаются, если рядом с отцом и ребенком живут родственницы, напротив, в семьях, включающих партнера отца, дефицит времени на общение с ребенком может увеличиваться [Lee, Hofferth, 2017].

В любом случае на отце лежит основная ответственность отца за воспитание, и его участие и вовлеченность становятся необходимыми условиями передачи ребенку ресурсов социального капитала. В исследовании С. Демута и С. Браун подростки сообщали о более высоком уровне участия одинокого отца, чем подростки из семей с женатыми биологическими отцами или с отчимами, тем не менее, уровни вовлеченности, надзора, мониторинга и близости с детьми одиноких отцов-опекунов ниже, чем у матерей-опекунов. Семьи с одним отцом не отличались от семей с двумя родителями по уровню образования отцов, они менее уязвимы с точки зрения социально-экономических ресурсов, чем одинокие матери [Demuth, Brown, 2004]. Экономические преимущества позволяют детям из этих семей получать больше ресурсов для интеллектуального развития, что подтверждает более высокие результаты тестов [Dufur et al., 2010]. В то же время по уровню финансовых и материальных ресурсов такие семьи все же уступают полным семьям [Bronte-Tinkew, Scott, Lilja, 2010]. Более образованные отцы часто больше связаны со своими детьми, а наличие же необразованного отца-одиночки ограничивает способность детей генерировать человеческий капитал [Donati, Prandini, 2007] и снижает возможности их успешной социальной адаптации во время перехода к взрослой жизни.

Исследования семейной социальной среды показывают, что одинокие отцы-опекуны реже используют авторитетные методы воспитания, а чаще придерживаются стратегий вседозволенности и невмешательства. Данные свидетельствуют о том, что у подростков из таких семей более высокий уровень изолированности, чем у детей из полных семей [Bronte-Tinkew, Scott, Lilja, 2010]. Из исследований следует вывод, что одиноким отцам может не хватать ресурсов, в том числе социальной поддержки, чтобы полноценно справляться с родительскими ролями и обеспечивать благополучие детей, причем наиболее заметный дефицит касается их воспитательской компетентности.

В западном обществе все более распространенным становится мнение, что родительство не является исключительной привилегией гетеросексуальности. В последние годы во многих странах были приняты соответствующие законы,

касающиеся однополых браков и прав на усыновление. В США, по разным оценкам, от 2 до 3,7 миллиона детей в возрасте до 18 лет могут иметь родителей ЛГБТ, и около 200 000 воспитываются однополыми парами — матерями и *отцами-гомосексуалами* (gay fathers) [Gates, 2015].

Можно выделить два основных исследовательских вопроса, которые прослеживаются в публикациях, посвященных нетрадиционным семьям: как партнеры становятся родителями и какие они родители для своих детей. При этом следует отметить, что хотя количество исследований, посвященных «отцовским» семьям, с каждым десятилетием возрастает, их все-таки гораздо меньше по сравнению с «материнскими».

Вопрос «быть или не быть?» родителями в однополых семьях решается под воздействием факторов различной природы — социально-демографических, личностных, социальной поддержки и др. [Gato et al., 2017]. Мужчины в большей степени ощущают давление предубеждений против их отцовства со стороны общества, в том числе основанных на подозрении их в педофилии и предположении, что они воспитают детей-геев; неустойчивая родительская мотивация у тех, кто испытывал гомофобию, связана с опасениями, что и дети столкнутся с преследованием, начиная уже со школьного возраста [Gates, 2015]. Поворотным пунктом для формирования их родительских траекторий становятся встречи и установление дружеских отношений с однополыми семьями с детьми, и под воздействием общения с ними мужчина все больше осознает собственное желание стать родителем и встретить партнера, который мотивирован так же [Goldberg, Downing, Moyer, 2012].

Однополые пары становятся родителями тремя основными способами: в результате гетеросексуальных отношений одного из партнеров (как правило, более ранних), принимая ребенка на воспитание и с помощью вспомогательных репродуктивных технологий. В последние годы все большее число семей геев с детьми создается благодаря приемному родительству. Исследователи отмечают, что процесс отбора приемных родителей для однополых пар особенно строг, кроме того, агентства по усыновлению склонны помещать в семьи с однополыми родителями детей из самых сложных социальных условий и с наиболее сложным поведением [Golombok et al., 2014]. Помимо стрессовых факторов, с которыми обычно сталкиваются приемные родители, «нетрадиционные» отцы могут испытывать стигму в отношении своей сексуальной идентичности, что приводит к повышенному уровню родительского стресса у тех, кто особенно чувствителен к такой стигме.

Несмотря на либерализацию семейных норм, гомосексуальное родительство по-прежнему подвергается сомнению, и предполагаемый риск связывается с тем, что на карту поставлено психосоциальное здоровье детей. Исследования, посвященные самочувствию и развитию детей с родителями-геями, свидетельствуют о том, что и родители и дети в таких семьях функционируют достаточно хорошо. Согласно данным М. Розенфельда, по уровню своих академических достижений, социальной компетентности, качеству отношений со сверстниками эти дети не имеют принципиальных отличий от детей гетеросексуальных родителей [Rosenfeld, 2010], в то же время результаты оценки психоземotionalного здоровья детей с родителями-геями в настоящее время недостаточны, чтобы делать определенные выводы.

Результаты показывают, что более высокий уровень детско-родительской привязанности не зависит от сексуальной ориентации приемного родителя, привязанность подростков к родителям взаимосвязана с их удовлетворенностью жизнью, а у родителей — с качеством отношений с приемным ребенком [Erich et al., 2009]. Согласно исследованию Сьюзен Голombok с соавторами, отцы-геи демонстрировали более высокий уровень теплоты, эмоциональной отзывчивости, более тесное взаимодействие и более низкий уровень «дисциплинарной» агрессии по сравнению с гетеросексуальными родителями. Полученные данные свидетельствуют, что гомосексуальные отцы хорошо справляются с проблемами детей, которые раньше жили в неблагоприятных условиях, при этом мужчины могут быть столь же компетентны в воспитании детей, как и женщины, а отсутствие родителя женского пола не обязательно имеет неблагоприятные последствия для адаптации ребенка [Golombok et al., 2014].

Исследователи полагают, что гомосексуалисты стремятся соответствовать высоким требованиям к самим себе как к родителям, учитывая трудности, с которыми они сталкиваются при усыновлении детей, и стараются доказать свою успешность в этой роли в ответ на стигму, которую испытывают со стороны внешнего мира. Поскольку им приходится прикладывать больше усилий на пути к родительству, те, кто ими становятся, способны обеспечить высоко позитивную родительскую среду для своих приемных детей, в среднем они более «преданы» родительству и готовы к этой тяжелой работе, чем их гетеросексуальные сверстники, что благоприятно отражается на их детях [Rosenfeld, 2010; Golombok et al., 2014].

Несмотря на определенное сходство выводов, исследования гомосексуальных семей имеют ряд ограничений, таких как небольшое количество респондентов, перекосы по критерию образованности и материальной обеспеченности, зависимость от субъективизма родительских отчетов (и отсутствие независимых оценок), измерения актуальной ситуации, сложившейся в момент исследования, в то время как проблемное поведение может усиливаться по мере взросления детей [Goldberg, Smith, 2013]. Большинство исследований сфокусировано на настоящем — что происходит внутри семьи, когда дети все еще находятся под родительской опекой, и отражают результаты, о которых сообщают взрослые: о разделении труда между родителями, моделях повседневного взаимодействия, гендерных ролях, эмоциональной близости родителей и детей, методах дисциплинирования. Хотя такую информацию важно изучать, это означает, что гораздо больше известно о сегодняшнем опыте родителей в семьях с детьми, чем о молодых людях, которые уже прошли через свое детство и могут говорить сами за себя [Regnerus, 2012]. Учитывая, что гомосексуальные семьи в общественном сознании — тема весьма неоднозначная, потребность в понимании, к каким последствиям воспитание в таких семьях приведет, вполне обоснованно.

Сравнение по 40 показателям, проведенное в исследовании The New Family Structures Study (NFSS), с общим количеством участников 3000 человек, из них 175 — взрослые дети из «женских» семей, 73 — из «мужских», показало сложную картину различий, большая часть которых свидетельствует об определенной уязвимости выходцев из нетрадиционных семей. Дети отцов-геев статистически чаще получали государственную помощь в период взросления, были склонны

к мыслям о суициде в недавнем прошлом, сообщали об инфекциях, передающихся половым путем, подвергались принудительному сексу, были менее склонны идентифицировать себя как полностью гетеросексуальных и др. Следует отметить, что у взрослых детей матерей-лесбиянок эти различия проявились в еще более значимой степени [ibidem].

Как отмечают исследователи однополых родителей, такие пары будут продолжать воспитывать детей, а американские (и многие западноевропейские) суды находят аргументы против однополых браков все менее убедительными. Будущие исследования позволят полнее отразить разнообразие семейного опыта гомосексуальных родителей, эффекты и отдаленные последствия воспитания ими детей. Результаты NFSS ясно показывают, что дети наиболее склонны к успеху во многих отношениях и во множестве областей, когда они проводят свое детство в стабильных семейных союзах с женатыми матерью и отцом [ibid.: 766].

Отцы — транснациональные трудовые мигранты (transnational migrant workers) ежегодно мигрируют, оставляя своих близких с целью финансово содержать свои семьи, ослабляя тем самым семейные связи и сплоченность, детско-родительские отношения. Анализируя опыт работы мужчин — трудовых мигрантов, которые приезжают из Мексики, чтобы работать в канадском сельском хозяйстве, исследователи отмечают последствия воспитания без отцов: отчуждение детей, которые чувствуют себя брошенными отцами, высокий уровень их проблем со здоровьем, плохое поведение и успеваемость в школе, напряженные супружеские отношения [McLaughlin et al., 2017: 682].

Вместе с тем сами отцы часто работают в суровых и опасных условиях [Basok, 2002; Otero, Preibisch, 2009; Preibisch, 2010], подвергаются эргономическим рискам длительного подъема тяжестей и других физических нагрузок, воздействию токсичных веществ, небезопасного оборудования [McLaughlin, Hennebry, Haines, 2014], испытывают дискриминацию, нарушение трудовых прав, переживают чувство подавленности, страха и отчаяния [Lynk, 2015: 37—38].

В зарубежных исследованиях, посвященных проблематике современного отцовства, изучаются разнообразные группы отцов, имеющих как общие, так и специфические проблемы, но так или иначе каждый из представителей этих групп сталкивается с разного рода трудностями, препятствующими реализации модели заботливого отца.

Барьеры для участия отцов в заботе о детях

Обобщая обзор публикаций, выделим несколько ключевых барьеров в попытках расширить участие отцов в воспитании детей.

Культурные барьеры

Устаревшие традиционные гендерные нормы о роли матерей в качестве опекунов и роли отцов в качестве «кормильцев» могут помешать отцам участвовать в воспитании детей, несмотря на то что в последние годы ситуация меняется в сторону увеличения прямого участия отцов в процессе воспитания детей [Heilman et al., 2017: 18—19]. В общественном мнении из поколения в поколение транслируются представления о том, что женщины лучше приспособлены к заботе о детях

раннего возраста, а мужчины некомпетентны и им нельзя доверять маленьких детей [Fägerskiöld, 2006; Plantin, Olukoja, Ny, 2011].

Нередки ситуации, когда персонал медицинских учреждений и социальные работники, помогающие матери и новорожденному ребенку, убеждали молодых матерей в том, что *несовершеннолетние отцы, отцы-мигранты или иногородние отцы* представляют собой потенциальную опасность и их включение в заботу о детях может привести к созданию среды, небезопасной для матери и ребенка [Dispelling Myths..., 2000].

Существенными барьерами для получения социальной поддержки выступают специфика сложившейся гендерной идеологии, устойчивые стереотипы о гендерных ролях, гегемонной маскулинности, представления о традиционной мужской идентичности [Connell, 1995; Davis, Greenstein 2009; Plantin, Olukoja, Ny, 2011; Grunow, Begall, Buchler, 2018].

В исследованиях отмечается неудовлетворенность *отцов детей с ограниченными возможностями здоровья* качеством социальной поддержки, концентрация социальных служб на действиях и переживаниях матери и игнорирование психологического состояния отца. Несмотря на то, что отцы сообщают о высоком уровне уважения к медицинскому персоналу и благодарности за помощь, распространены сообщения отцов о возникающих у них негативных чувствах — изоляции, недооцененности, беспомощности, неравенства, отчуждения, вызванных пренебрежительным отношением к их мнению, различиями в обращении медперсонала с мужчинами по сравнению с их женами, безразличным отношением к их бытовым потребностям при нахождении в больнице. Все это заставляет отцов чувствовать, что медицинский персонал не считает их равноценными или важными родителями [Docherty, Dimond, 2018].

Отношение отцов к социальным работникам также часто бывает негативным вследствие их личного опыта. Для специалистов по социальной работе в сфере защиты детей характерна тенденция маргинализации мужчин и сосредоточенность на изучении положения матерей и их поддержке [Brown et al., 2009]. Мужчинам же обращаться за помощью в решении их семейных проблем не позволяют традиционные гендерные установки [Campbell et al., 2010].

Информационные барьеры

Отцы часто сообщают о низком уровне осведомленности о программах для родителей [Frank et al., 2015: 937—938; Tully et al., 2017b]. Исследователи и практики делают вывод, что существует необходимость в повышении осведомленности отцов, и подчеркивают важность их участия. Одной из стратегий расширения участия отцов в этих программах выступает информация, переданная лично их потенциальным участникам, другой — информирование родителей в средствах массовой информации [Tully et al., 2017a].

Отцам детей-инвалидов важно понимать, что они и их ребенок являются частью системы заботы и что они получают своевременную и достаточную информацию о проводимом и планируемом лечении. С точки зрения предоставления информации отцам важно получить правильный баланс: не обязательно сосредотачиваться на всех положительных сторонах, но и рисовать самую «черную картину» нет необходимости [Docherty, Dimond, 2018].

Рекламные кампании в средствах массовой информации — печатных изданиях, телевидении, радио, социальных сетях, онлайн-ресурсах — часто используются для информирования родителей о проблемах общественного здравоохранения, повышения осведомленности о проблемах здоровья и здорового образа жизни, снижении рисков для здоровья [Poole, Seal, Taylor, 2014], программах для родителей, направленных на улучшение психического здоровья и благополучия детей [Morawska, Tometzki, Sanders, 2014]. Кампании в средствах массовой информации могут снять барьеры и дестигматизировать обращение родителей за помощью в воспитании детей при имеющихся проблемах в поведении детей и их психическом здоровье, а также повысить уровень участия отцов в обучающих программах.

Экономические барьеры

Экономическая нестабильность, бедность, отсутствие работы или неформальная занятость приводят к тому, что малообеспеченные отцы вынуждены много работать, чтобы обеспечить свои семьи. Роль кормильца семьи вступает в противоречие с вовлеченностью отцов в заботу о детях. Эти выводы актуальны при изучении семейных практик отцов-мигрантов, которые надолго покидают свои семьи в поисках работы, разведенных отцов, которые при недостатке экономических ресурсов не могут платить алименты, что может ограничивать степень их участия в жизни детей [Arditti, Keith, 1993; Hofferth, Forry, Peters, 2010; Kalmijn, 2015]. В то же время в других исследованиях показано, что увеличение числа отцов, остающихся дома с детьми и использующих свое право на отцовский отпуск, не всегда является результатом их осознанного выбора, а чаще выступает вынужденным решением в условиях безработицы, низких доходов, случайных заработков, болезни или инвалидности [Moss, 2013; Kramer, Kramer, 2016].

Структурные барьеры

Среди структурных факторов, препятствующих вовлеченности отцов в заботу о детях, — неравное положение мужчин и женщин на рынке труда, разница в оплате, отсутствие гибкого графика, а также структура профессиональной занятости, при которой в сферах образования и социальной работы заняты преимущественно женщины. Так, врачи часто полагаются исключительно на материнский отчет и не запрашивают информацию от отца в своей работе. Одним из возможных объяснений этого является то, что большинство практиков в помогающих областях — женщины (например, 82 % социальных работников, 98 % школьных логопедов, 97 % воспитателей детского сада — женщины [2018 Schools Survey..., 2018]).

М. Е. Лэмб полагает, что профессионалы исторически игнорируют роли отцов и продолжают делать это по привычке [Lamb, 2010]. Многие специалисты считают, что отцов труднее оценить, поскольку они реже посещают сеансы терапии, и что матери более доступны. Это предположение может снизить вероятность общения практикующих специалистов с отцами, а интенсивность и качество общения, в свою очередь, могут повлиять на участие отцов [Carpenter, Towers, 2008].

Исследователи делают вывод, что поставщики услуг должны включать отцов в терапию одинаково часто с матерями [Duhig, Phares, Birkeland, 2002]. Что касается формы занятий, то, например, В. Турбивилле и Дж. Маркиз обнаружили,

что отцы предпочитают участвовать в образовании своих детей посредством мероприятий, в которых задействованы все члены семьи, и с меньшей вероятностью принимают участие, если приглашаются только мужчины (например, группа поддержки мужчин), и в любом случае специалисты должны стремиться к более глубокому пониманию потребностей отцов при проработке возможностей участия отцов в мероприятиях [Turbiville, Marquis, 2001; Meadan, Parette, Doubet, 2013].

Институциональные барьеры

Препятствиями участия мужчин в заботе о детях выступают институциональные барьеры (несовершенство законодательства, недостаточная поддержка работников с семейными обязанностями, отсутствие профсоюзов и др.). Например, вопросы участия отцов в воспитании детей после развода раскрываются в контексте дискриминации отцов в судах и потери прав на опеку над детьми [Collier, Sheldon, 2006], активности общественного движения в защиту отцовских прав и борьбы за изменения в законодательстве и семейной политике [Jordan, 2009: 421—422]. Правозащитные группы («Отцы за справедливость» и др.) проводят кампании за устранение несправедливости по отношению к мужчинам в законодательстве и практике правоприменения при разводе, в решении вопроса об опеке над детьми, в ситуациях преследования за насилие в семье, сексуальные домогательства и др. [Messner, 2000; Whitehead, 2002; Jordan, 2018]. Ключевой идеей общественной активности правозащитного движения выступают утверждения о том, что отцы лишены своих прав, подвергаются систематической дискриминации как мужчины и отцы в обществе, лояльном к женщинам и доминирующему феминизму [Flood, 2004]. Ситуация, когда мать становится единственным опекуном ребенка, поддерживается, с одной стороны, социальными нормами и стереотипами о матерях как естественных и умелых родителях и предубеждениями в отношении способности мужчин заботиться о детях, а с другой — лакунами в законодательстве и практиках его правоприменения. Отмечается, что в некоторых странах отцы подвергаются проверке и вынуждены обосновывать свою способность воспитывать детей и проживать вместе с ними [Smart, May, 2004], в других странах — как, например, в Пакистане, — законодательно закреплено право контроля мужчины за принятием решения об опеке над ребенком [Pakeeza, Chishti, 2012], в третьих — в Швеции, Австралии, Ирландии и др. — существует правовая презумпция равного времени для родителей для выполнения родительских обязанностей [Parental Responsibility..., 2014; Kalmijn, 2015].

Программы поддержки отцовства

Программы, адресованные отцам и ближайшему окружению

Осознание важности отцовской роли и становления отцовской идентичности стимулировало создание соответствующих программ. Так, в США выделяются значительные средства на консультирование, программы образования родителей/отцов, в том числе добрачного, и разрешения конфликтов, на разработку пренатальных программ по охране психического здоровья детей, включающих привлечение отцов [Fletcher et al., 2014], по повышению психологической грамотности отцов детей раннего возраста. Так, оценка эффективности восьмине-

дельной программы повышения качества коммуникации отцов с детьми в возрасте до шести лет показала значительный позитивный сдвиг вовлеченности отца (по результатам тестирования), что позволило рекомендовать ее к широкому использованию в образовании отцов на базе дошкольных учреждений [Sorakin, Altinay, Cerkez, 2019: 11].

В течение последних нескольких десятилетий программы ответственного отцовства (*responsible fatherhood*) получили широкое распространение в Соединенных Штатах, однако отмечается, что еще недостаточно разработаны методология и инструменты оценки их результативности. Авторы предлагают подходы к оценке программ, основанные на теории привязанности, теории семейных систем и др. [Fagan, Kaufman, 2015].

Внимание также обращается на процесс реализации программ, в частности вовлечения отцов, который имеет свою динамику и многофакторную обусловленность. Так, выделяют три основных этапа, каждый из которых сопряжен с определенными барьерами — это привлечение/вербовка отцов, сохранение/удержание в программе, этап активного участия в работе. Данная многоуровневая модель учитывает совокупность факторов: практического характера (доступность программы и маркетинг), «отношенческих» (установки персонала, доверие, стиль общения), культурных и ситуационных (культурная и гендерная сензитивность, жизненные обстоятельства, уровень стресса), стратегических (стратегии удержания участников и внешние стимулы), структурных (формат группы, окружающая среда, продолжительность программы) [Pfitzner, Humphreys, 2017: 541—544].

Различные подходы используются в работе с *отцами, практикующими домашнее насилие* (*men who have used violence*). Это нарративная терапия, постановка целей, консультирование, управление гневом, групповая работа. Так, программа по борьбе с насилием «*Taking Responsibility*» в Новом Южном Уэльсе, Австралия, включает 18-недельный компонент групповой работы, который дополняется индивидуальными сессиями. Прорабатываются такие темы, как тактика власти и контроля, убеждения относительно мужских и женских ролей, понимание влияния насилия на окружающих (в том числе на детей), эмпатия к пострадавшим, сознательные и бессознательные процессы, лежащие в основе поведения мужчин; развиваются способности мужчин к эмпатии, рефлексии, самонаблюдению и саморегуляции [Broady et al., 2017: 330]. В Великобритании получила распространение 17-недельная программа групповой работы с отцами, которые допускали насилие в отношении детей и их матерей, основанная на канадской модели «*Caring Dads: Safer Children*» — CDSC [McConnell, Taylor, 2016].

Основой для программ поддержки *одиноких отцов* выступает структурный подход. Матери-одиночки и отцы-одиночки одинаково являются родителями, они несут исключительную ответственность за предоставление ресурсов детям (еда, жилье и одежда; финансовая поддержка; дисциплина; комфорт). Необходимость выполнять большую часть обязанностей в отсутствие другого родителя делает отцов и матерей похожими друг на друга [Hawkins, Amato, King, 2006]. Хотя они, возможно, ограничивали свое родительство стереотипно женской или мужской работой, когда у них был партнер, став единственным опекуном ребенка, им приходится/следует брать на себя обязанности, традиционно выполняемые противополож-

ным полом, чтобы заполнить недостающие роли. Структуралистская перспектива учитывает возможность того, что отцы могут выполнять задачи, традиционно связанные с материнством. Если, например, обычно взаимодействие со школой чаще оказывается в сфере материнских задач, одинокие отцы должны научиться ее выполнять. Изменение установок отца в сторону большей вовлеченности в дела ребенка, использование более позитивных стилей воспитания крайне важны, чтобы уменьшить для ребенка негативные последствия жизни с одиноким отцом-опекуном [Dufur et al., 2010]. Таким образом, необходимы программы социальной поддержки, чтобы помочь отцам-одиночкам преодолеть дефициты разного рода ресурсов, включая знания, социальные контакты и навыки и т. д., а для детей из семей с одним родителем, которые сравнительно чаще страдают от эмоционального стресса и низкой успеваемости, должны функционировать системы поддержки и консультационные услуги в школах [Hussey, Kanjilal, Nathan, 2016].

Поддержание контакта со своими детьми и выполнение роли родителя в ситуации заключения является особой проблемой [Meek, 2007]. Было установлено, что тюремное заключение оказывает глубокое влияние на убеждения, отношения и поведение заключенных отцов, создает много препятствий для отношений отца и ребенка [Dyer, 2005; Hairston, 2001; Miller, Browing, Sprauce, 2001]. Несмотря на трудности и проблемы, связанные с тюремным заключением, многие *отцы-заключенные* продолжают контактировать со своими детьми и могут иметь некоторые базовые знания, ценности и убеждения, необходимые для эффективного воспитания на расстоянии. В то же время другие аспекты родительских характеристик, в частности психологическое благополучие отцов, стрессоустойчивость, уверенность в себе нуждаются в укреплении [Secret, 2012].

Поддержка специалистов является ключевым фактором в изменении жизненного сценария *отцов-правонарушителей*. Центральная тема интервенций — становление личности молодого отца, переход в ответственную взрослую жизнь и создание новой позитивной идентичности вместо репутации преступника [Meek, 2011; Bottoms, Shapland, 2011]. Родительство становится ключевым компонентом для конструирования нового сценария жизни, такие отцы, имеющие приверженность позитивным целям, высокий уровень мотивации и уверенность в планировании будущего, с меньшей вероятностью будут совершать повторные правонарушения [Maruna, 2001; Meek, 2011; McNeil, Weaver, 2010; Helyar-Cardwell, 2012].

Важным направлением поддержки молодых отцов выступает профессиональное наставничество, которое считается эффективным в предупреждении случаев возврата к преступному поведению. Наставники помогают найти работу после освобождения, поддерживать близкие отношения со своими детьми, развивать родительские навыки [Ladlow, Neale, 2016]. Свою эффективность показали гибкие и приспособленные к специфическим потребностям развития и реабилитации молодых людей программы отцовства, широко применявшиеся в британских учреждениях для молодых правонарушителей [Boswell, Wedge, 2002]. Для лиц старшего возраста предлагается общий пятидневный курс отцовства на основе групповой работы, ролевых игр и дискуссий. Содержание курса фокусируется на родительских обязанностях, развитии и потребностях ребенка, навыках ухода за детьми, а также способах асертивного поведения и воздержания от пре-

ступности. Такой курс может быть завершаться дополнительным добровольным курсом, продолжающимся нескольких недель и работающим в более чем 100 британских тюрьмах. Отцы учатся придумывать и рассказывать истории своим детям, развивают навыки, чтобы играть со своими детьми. Курс завершается особым семейным визитом, где отцы встречаются и играют со своими детьми в неформальной игровой обстановке [Ladlow, Neale, 2016: 123—124].

Важнейшим условием эффективности программ по поддержке *отцов-правонарушителей* является качество взаимоотношений между практиками и их клиентами [The Parliamentary Inquiry..., 2015]. Содержание программы, добровольный характер участия, созидательный настрой имеют решающее значение для достижения ее целей. Программа поддержки молодых отцов не связана с постановлениями суда, не воспринимается молодыми *отцами-правонарушителями* как дополнительное наказание [Ladlow, Neale, 2016: 124]. В поисках источников позитивного отцовства в переходных процессах возвращения правонарушителей из мест заключения исследователи обращаются к ресурсам семейной поддержки и детям этих отцов, которые находятся в двойственном положении — страдают от негативных последствий стигматизации и разлуки с отцами, и чаще подвергаются насилию и жестокому обращению со стороны отцов, испытывают стрессы, смену опекунов, помещение в систему государственного социального обеспечения, социальные и экономические лишения [Gorman et al., 2006]. При этом ключевыми посредниками между детьми и отцом становятся матери, играющие роль коммуникатора между родственниками, представителями службы пробации, полиции, общественных организаций в развитии отношений отца-правонарушителя со своими детьми [Walker, 2010: 243].

Дружеские и конструктивные отношения с матерью ребенка являются важнейшей частью программы поддержки отцов, в которой участвуют молодые матери. Существенное внимание уделяется сексуальным и межличностным отношениям, жизненным навыкам, личностному развитию, заботе о себе как неотъемлемой части хорошего родителя. Опираясь на модель «хорошей жизни» [Ward, Mann, Gannon, 2007], участникам предлагается понять свои цели и перспективы в будущем, осознавая, что быть хорошим родителем означает развивать собственную жизнь в позитивном ключе.

Стратегию, направленную на повышение вовлеченности отца, обучение навыкам воспитания детей и решение экономических проблем, с которыми сталкиваются многие *отцы-нерезиденты*, имеющие намерение или выплачивающие алименты, реализуют образовательные программы «Responsible fatherhood». Расширение понимания отцовства, помимо финансовых обязательств, является важной задачей программы, поэтому внимание уделяется улучшению отношений отца с ребенком, повышению значимости родительской роли, развитию родительских навыков и укреплению надежды на будущее. Исследование эффектов программы показало, что отцы, которые «видят» улучшение своих родительских навыков и считают себя активными участниками жизни своих детей, могут, согласно теории запланированного поведения, рассматривать соблюдение финансовых обязательств как компонент этого участия. Результаты также показывают, что усиление чувства отцовской надежды на будущее является предиктором пози-

тивных изменений в намерениях выплачивать алименты, что, в свою очередь, подкрепляет желание чувствовать себя полезным для семьи. Таким образом, обучение отцов навыкам родительского воспитания положительно влияет на их намерение финансово поддерживать детей [Chan, Adler-Baeder, 2019: 138].

Социальные услуги и меры структурной поддержки отцов

Существует высокая потребность в развитии социальных услуг для отцов с *зависимым поведением*. Так, в числе новаций «Black Box Parenting Program» — программа, разработанная для отцов, злоупотребляющих психоактивными веществами и имеющих трудности в воспитании детей. Метафора «черного ящика» в этой программе используется для обсуждения травмирующего события. С отцами, имеющими детей от 0 до 12 лет и проходящими курс лечения от токсикомании/наркомании в стационаре, проводятся групповые дидактические занятия, интерактивные дискуссии и ролевые упражнения, направленные на восстановление отношений и прощение, создание основы новых детско-родительских отношений, игровых навыков, способности к планированию и целеполаганию. В качестве дополнения к групповым сессиям осуществляются индивидуальные игровые сессии отца с ребенком при участии психолога, которые записываются на видео для последующего анализа, обсуждения и обучения родителей. Вместе с этим участники исследования вовлечены в услуги по лечению токсикомании. После завершения программы у отцов значительно уменьшилось чувство вины, тревоги, появилась сильная мотивация для получения помощи в воспитании детей. Результаты показали, что удовлетворенность лечением у отцов тесно связана с родительской самоэффективностью, при этом чем выше была уверенность в успешности взаимодействия с детьми, тем больше отцы были удовлетворены программой в целом [Torres et al., 2018].

Необходимо расширение услуг для улучшения поддержки семей, ухаживающих за детьми с особенностями. С точки зрения оптимизации семейных систем важность «отцовских» социальных и медицинских услуг для благополучия детей очевидна и получает все большее признание в политике, однако действительно «отцовские» услуги относительно редки на практике и требуют конкретных и целенаправленных мер [Fletcher et al., 2014]. Все семьи должны получать поддержку и руководство в управлении изменениями в жизни семьи, происходящими, когда рождается ребенок с заболеванием, которое невозможно преодолеть и которое впоследствии развивается. Медицинские работники могут и должны вносить вклад, чтобы участие отца было поддержано, и не допускать ситуаций, когда токсичные коммуникации и обращение могут привести к негативным переживаниям, усиливающим стресс отцов [ibidem]. По-видимому, так же как и в других сферах (занятости и образования), необходимо обучение специалистов для повышения их социальной компетентности.

Важно не только медицинское обслуживание, но и высококачественное обслуживание детей в сфере образования, адекватное школьное обучение и забота после школы. А именно, конкретные программы во внеучебное время и летние программы для учащихся средней школы и старшеклассников с потребностями в медицинской помощи [Jinnah, Stoneman, 2008]. Это может способствовать подготовке специали-

стов по уходу за детьми, учителей и школьного персонала для более эффективного решения поведенческих проблем, чтобы родителям не нужно было срочно оставлять работу для реагирования на чрезвычайные ситуации с их детьми в течение дня [Rosenzweig et al., 2002]. Предоставление услуг, интегрированных в школьную среду, обеспечение ухода во внеучебное время и онлайн-услуги могли бы стать возможными решениями, которые позволили бы работающим отцам активнее участвовать в уходе за своими детьми [Gopalan et al. 2010; van de Luitgaaden, van der Tier, 2018]. Все это позволит работающим родителям сохранять занятость, получая при этом доступ к услугам, поддерживающим благополучие их детей.

Для смягчения конфликта профессиональных и семейных ролей отцов, воспитывающих детей с особыми нуждами, важна поддержка руководителей и сотрудников, а также гибкость в графике работы, в то же время гибкость обесценивается, если отцы не чувствуют себя в безопасности. В качестве меры преодоления «стигмы гибкости» предлагается обучение супервизоров поддерживающему поведению для улучшения организационных и индивидуальных результатов отцов [Kossek et al., 2018].

Изучая опыт работы отцов — *транснациональных трудовых мигрантов* из Мексики, канадские исследователи фокусируют внимание на тех структурных изменениях, которые представляются наиболее важными для укрепления семей мигрантов и их отношений с детьми. К ним отнесены повышение зарплат и финансовых переводов семьям, улучшение условий труда и соблюдение трудовых прав мигрантов, создание социальных служб поддержки, использующих не только английский и французский язык, но испанский и языки коренных народов Мексики, обязательное обучение охране труда и технике безопасности, соблюдение прав на трудовой стаж, что также будут способствовать расширению прав и возможностей работников и обеспечению их занятости. В качестве дополнительных мер укрепления семейных связей рассматриваются возможности дать разрешение членам семьи посещать Канаду и помогать им заключать трудовые контракты, расширить доступ к интернету, Skype и общению по электронной почте, создать возможности для постоянного проживания детей и матерей, признание семей мигрантов в качестве ценных и уважаемых членов канадского общества [McLaughlin et al., 2017: 695—699].

Информационная поддержка и онлайн-программы

Существуют убедительные доказательства того, что программы для родителей по воспитанию детей эффективны для улучшения результатов воспитания, психического здоровья и благополучия детей. Хотя все больше обучающих занятий для родителей размещается в интернете, тем самым способствуя распространению знаний и охвата целевой группы, доля отцов все еще значительно уступает материнской во всех видах родительских программ. Например, в Австралии с целью привлечения внимания отцов к программам для родителей «Parent Works» была проведена восьминедельная кампания с использованием социальных сетей, рекламы на анимированных баннерах, цифровых дисплеях, короткие видеоклипы на цифровом телевидении и радио, краткие сообщения на самых популярных телевизионных каналах.

«Parent Works» — это бесплатное интерактивное интернет-приложение для родителей и лиц, осуществляющих уход за детьми, доступное с компьютера, планшета или мобильного телефона. Программа включает в себя восемь интерактивных последовательных «модулей», пять из которых являются обязательными, а три — дополнительными. Родители могут участвовать индивидуально или со своим партнером, хотя программа поощряет участие обоих родителей, она была разработана специально для удовлетворения потребностей и предпочтений отцов, а также для матерей с целью их мотивирования [Tully et al., 2017a].

Для онлайн-кампании созданы шесть видеороликов, в которых снялись четыре «обычных» и два «знаменитых» отца. Различные по своим социально-демографическим, культурным и семейным характеристикам, отцы были вовлечены в рекламную кампанию с целью расширить целевую аудиторию программы. Два знаменитых отца — спортсмен и телеведущий — были хорошо известны австралийскому населению. Наряду с видеороликами в цифровой кампании использовались анимированные баннеры. Радиопередачи составлены из кратких сообщений о «ParentWorks» и озвучены известными радиоведущими на двух коммерческих радиостанциях, ориентированных на мужскую аудиторию четырех крупных городов Австралии. Программы длительностью 20—30 минут в неделю посвящены важности участия отца в воспитании детей и проблемам их воспитания (например, использованию альтернативных стратегий вместо телесных наказаний, значению работы в команде с одним из родителей).

При оценке эффективности медийной кампании, направленной на повышение осведомленности и участия отцов в онлайн-программе для родителей «Parent Works», оказалось, что на сайте программы зарегистрировалось в три раза больше родителей/отцов по сравнению с периодом сравнения. Результаты показали, что те, кто был вовлечен в кампанию, значительно чаще поддерживали важность участия отца в программах воспитания детей, чем те, кто в ней не участвовал, что позволяет сделать вывод о кампании как эффективном методе повышения осведомленности и уровня участия отцов в программах родительского воспитания в интернете [Tully et al., 2019: 2].

Заключение

Подводя итоги проведенного обзора зарубежных работ, нельзя не отметить расширение присутствия отцов как целевой группы в исследованиях семьи, семейных отношений, социальной практики. Хотя многие авторы во вступлении к своим статьям отмечают перекося исследовательского интереса в сторону матерей, традиционно считающихся основными опекунами, заметны активные усилия по преодолению имеющегося дефицита. Накоплены данные, раскрывающие специфику жизненной ситуации разных групп отцов, отличающихся по характеру жизненного опыта, социально-демографическим характеристикам, семейному статусу и др., объединяющим же моментом является то, что отцовство для представителей всех этих групп осложнено в силу разных причин. Недостаток личностных, социальных, финансовых, информационных ресурсов препятствует становлению отцов во всем богатстве отцовской роли и/или затрудняет реализацию имеющегося отцовского потенциала. Несмотря на разнообразие представленных социальных программ

для отцов, в центре интервенций специалистов социальной сферы — создание «заботливой» маскулинности и позитивной идентичности ответственного отца, которая помогает укрепить родительское самосознание и самооффективность, способствует осознанию отцами жизненных смыслов, целеполаганию, развитию родительских навыков, что в свою очередь коррелирует с успешностью выхода из трудной ситуации, реабилитации и т. д.

Знание и учет специфики различных, особенно уязвимых групп отцов, дифференциация их проблем и потребностей необходимы для разработки программ социальной поддержки отцов и собственно «отцовских» услуг. При этом важно учитывать, что ключевыми субъектами, мотивирующими мужчин к вовлеченному отцовству, так же как и своего рода «привратниками» на этом пути, выступают женщины, и от того, как складываются супружеские отношения, во многом зависят индивидуальные сценарии и траектории отцовства. Поэтому работа с отцами должна быть частью работы с семьей в целом, и с учетом специфики семейного контекста должна быть направлена в том числе на усиление ресурсов семейной поддержки отцовства.

Общий тренд на активизацию вовлеченного отцовства, который на институциональном уровне поддерживает и Россия (закрепление мер и программ поддержки ответственного отцовства в концепциях семейной политики на региональном и федеральном уровнях, введение права для отцов на отпуск по уходу за новорожденным ребенком, празднование дня отца, усиление внимания общества к алиментным обязательствам отцов и др.), должен проявляться в развитии помогающей практики, в фокусе которой будут отцы наравне с матерями. В связи с этим зарубежный опыт исследований отцовства и программ поддержки отцов может быть весьма полезен, учитывая пока незначительное количество отечественных работ в этой области. Представляется, что важной задачей для отечественных социологов выступает фиксация изменений в мнениях специалистов, работающих с детьми, изучение родительского (отцовского) и семейного сознания, анализ стереотипов, установок, ожиданий, концептуализация на их основе методологических подходов, теоретических конструктов, разработка новых подходов, направленных на совершенствование семейной политики и помогающей практики в отношении благополучия семьи и детей.

Список литературы (References)

Бёрд Ш. Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // *Наслаждение быть мужчиной: западные теории и постсоветские практики* / под ред. Ш. Бёрд, С. Жеребкина. СПб.: Алетейя, 2008. С. 7—37.

Bird S. (2008) *Theorizing Masculinities: Recent Trends in the Social Sciences*. In: Bird S., Zhrebkin S. (eds.) *The Pleasure of Being a Man: Western Theories of Masculinity and Post-Soviet Practices*. Saint Petersburg: Aleteya. P. 7—37. (In Russ.)

Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2018. № 6. С. 48—73. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>.

Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2018) What is “Masculinity”? Conceptual Keys to Critical Studies in Men and Masculinities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 48—73. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>. (In Russ.)

Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.

Kon I. S. (2009) *Man in a Changing World*. Moscow: Vremya (In Russ.)

2018 Schools Survey. Survey Summary Report: Number and type of Responses, SLPs. (2018) Rockville, MD: American Speech-Language-Hearing Association. URL: <https://www.asha.org/uploadedFiles/2018-Schools-Survey-Summary-Report.pdf> (accessed: 04.09.2020).

Albertini M., Garriga A. (2011) The Effect of Divorce on Parent-Child Contacts: Evidence on Two Declining Effect Hypotheses. *European Societies*. Vol. 13. No. 2. P. 257—278. <https://doi.org/10.1080/14616696.2010.483002>.

Allen S. M., Daly K. J. (2007) The Effects of Father Involvement: An Updated Research Summary of the Evidence. Guelph, ON: Centre for Families, Work & Well-Being, University of Guelph.

Amato P. R., Meyers C. E., Emery R. E. (2009) Changes in Nonresident Father-Child Contact from 1976 to 2002. *Family Relations*. Vol. 58. No. 1. P. 41—53. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2008.00533.x>.

Andreasson J., Johansson T. (2019) Becoming a Half-Time Parent: Fatherhood after Divorce. *Journal of Family Studies*. Vol. 25. No. 1. P. 2—17. <https://doi.org/10.1080/13229400.2016.1195277>.

Aquilino W. S. (2006) Noncustodial Father-Child Relationship from Adolescence into Young Adulthood. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 68. No. 4. P. 929—946. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2006.00305.x>.

Arditti J. A., Keith T. Z. (1993) Visitation Frequency, Child Support Payment, and the Father-Child Relationship Post-Divorce. *Journal of Marriage and the Family*. No. 55. No. 3. P. 699—712. <https://doi.org/10.2307/353350>.

Arditti J. A., Smock S. A., Parkman T. S. (2005) It's Been Hard to Be a Father': A Qualitative Exploration of Incarcerated Fatherhood. *Fathering*. Vol. 3. No. 3. P. 267—288. <https://doi.org/10.3149/fth.0303.267>.

Basok T. (2002) *Tortillas and Tomatoes: Transmigrant Mexican Harvesters in Canada*. Montreal: McGill-Queen's University Press. <https://doi.org/10.7202/014056ar>.

Bergström M., Fransson E., Hjern A., Köhler L., Wallby T. (2014) Mental Health in Swedish Children Living in Shared Residency and their Parents' Life Satisfaction: A Cross-Sectional Study. *Scandinavian Journal of Psychology*. Vol. 55. No. 5. P. 433—439. <https://doi.org/10.1111/sjop.12148>.

Berdahl J. L., Moon S. H. (2013) Workplace Mistreatment of Middle Class Workers Based on Sex, Parenthood, and Caregiving. *Journal of Social Issues*. Vol. 69. No. 2. P. 341—366. <https://doi.org/10.1111/josi.12018>.

Boswell G., Wedge P. (2002) *Imprisoned Fathers and Their Children*. London: Jessica Kingsley.

Bottoms A., Shapland J. (2011) Steps Towards Desistance among Male Young Adult Recidivists. In: Farrall S., Hough M., Maruna S., Sparks R. (eds.) *Escape Routes: Contemporary Perspectives on Life after Punishment*. London: Routledge. P. 43—80.

Bradshaw J., Stimson C., Skinner C., Williams J. (1999) *Absent Fathers?* New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203028773>.

Bronte-Tinkew J., Scott M. E., Lilja E. (2010) Single Custodial Fathers' Involvement and Parenting: Implications for Outcomes in Emerging Adulthood. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 72. No. 5. P. 1107—1127. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00753.x>.

Broady T. R., Gray R., Gaffney I., Lewis P. (2017) 'I Miss My Little One A Lot': How Father Love Motivates Change in Men Who Have Used Violence. *Child Abuse Review*. Vol. 26. No. 5. P. 328—338. <https://doi.org/10.1002/car.2381>.

Brown L., Callahan M., Strega S., Walmsley C., Dominelli L. (2009) Manufacturing Ghost Fathers: The Paradox of Father Presence and Absence in Child Welfare. *Child & Family Social Work*. Vol. 14. No. 1. P. 25—34. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2206.2008.00578.x>.

Brown J., Cohen P., Johnson J. G., Salzinger S. (1998) A Longitudinal Analysis of Risk Factors for Child Maltreatment: Findings of a 17-year Prospective Study of Officially Recorded and Self-Reported Child Abuse and Neglect. *Child Abuse & Neglect*. Vol. 22. No. 11. P. 1065—1078. [https://doi.org/10.1016/s0145-2134\(98\)00087-8](https://doi.org/10.1016/s0145-2134(98)00087-8).

Bunting L., McAuley C. (2004) Teenage Pregnancy and Parenthood: The Role of Fathers. *Child and Family Social Work*. Vol. 9. No. 3. P. 295—303. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2206.2004.00335.x>.

Burgess A. (2006) *The Costs and Benefits of Active Fatherhood: Evidence and Insights to Inform the Development of Policy and Practice*. London, UK: Fathers Direct. URL: <http://www.fatherhoodinstitute.org/uploads/publications/247.pdf> (accessed: 04.09.2020).

Buston K., Parkes A., Thomson H., Wight D., Fenton C. (2012) Parenting Interventions for Male Young Offenders: A Review of the Evidence on What Works. *Journal of Adolescence*. Vol. 35. No. 3. P. 731—742. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2011.10.007>.

Campbell M., Neil J. A., Jaffe P. G., Kelly T. (2010) Engaging Abusive Men in Seeking Community Intervention: A Critical Research & Practice Priority. *Journal of Family Violence*. Vol. 25. No. 4. P. 413—422. <https://doi.org/10.1007/s10896-010-9302-z>.

Cabrera N. J., Fitzgerald H. E., Bradley R. H., Roggman L. (2014) The Ecology of Father Child Relationships: An Expanded Model. *Journal of Family Theory and Review*. Vol. 6. No. 4. P. 336—354. <https://doi.org/10.1111/jftr.12054>.

Cabrera N. J., Shannon J. D., Tamis-LeMonda C. (2007) Fathers' Influence on Their Children's Cognitive and Emotional Development: From Toddlers to Pre-K. *Applied*

Developmental Science. Vol. 11. No. 4. P. 208—213. <https://doi.org/10.1080/10888690701762100>.

Cabrera N. J., Tamis-LeMonda C. S., Bradley R. H., Hofferth S., Lamb M. (2002) Fatherhood in the Twenty-First Century. *Child Development*. No. 71. P. 127—136. <https://doi.org/10.1111/1467-8624.00126>.

Carpenter B., Towers C. (2008) Recognizing Fathers: The Needs of Fathers of Children with Disabilities. *Support for Learning*. Vol. 23. No. 3. P. 118—125. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9604.2008.00382.x>.

Chan A. E., Adler-Baeder F. (2019) Child Support Compliance in Fatherhood Programs: The Role of Hope, Role Salience, and Parenting Skills. *Journal of Human Sciences and Extension*. Vol. 7. No. 1. P. 130—143.

Cheadle J., Amato P., King V. (2010) Patterns of Nonresident Father Involvement. *Demography*. Vol. 47. No. 1. P. 205—225. <https://doi.org/10.1353/dem.0.0084>.

Clarke L., O'Brien M., Day R., Godwin H., Connolly J., Hemmings J., van Leeson T. (2005) Fathering Behind Bars in English Prisons: Imprisoned Fathers' Identity and Contact with Their Children. *Fathering*. Vol. 3. No. 3. P. 221—241. <https://doi.org/10.3149/fth.0303.221>.

Coley R., Hernandez D. (2006) Predictors of Paternal Involvement of Resident and Non-Resident Low-Income Fathers. *Developmental Psychology*. Vol. 42. No. 6. P. 1041—1056. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.42.6.1041>.

Collier R., Sheldon S. (2006) Fathers' Rights, Fatherhood and Law Reform: International Perspectives. In: Collier R., Sheldon S. (eds.) *Fathers' Rights Activism and Law Reform in Comparative Perspective*. Portland, OR: Hart Publications. P. 1—26. <https://doi.org/10.5040/9781472563750.ch-001>.

Coltrane S. (2004) Fathering: Paradoxes, Contradictions, and Dilemmas. In: Coleman M., Ganong L. H. (eds.) *Handbook of Contemporary Families: Considering the Past, Contemplating the Future*. Thousand Oaks: Sage. <https://doi.org/10.4135/9781412976022.n13>.

Connell R. (1995) *Masculinities*. Cambridge: Polity Press.

Cundy J. (2016) Supporting Young Dads' Journeys through Fatherhood. *Social Policy & Society*. Vol. 15. No. 1. P. 141—153. <https://doi.org/10.1017/s1474746415000524>.

Daatland S. O. (2007) Marital History and Intergenerational Solidarity: The Impact of Divorce and Unmarried Cohabitation. *Journal of Social Issues*. Vol. 63. No. 4. P. 809—825. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2007.00538.x>.

Dallaire D. H. (2007) Incarcerated Mothers and Fathers: A Comparison of Risks for Children and Families. *Family Relations*. Vol. 56. No. 5. P. 440—453. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2007.00472.x>.

Davis S. N., Greenstein T. N. (2009) Gender Ideology: Components, Predictors, and Consequences. *Annual Review of Sociology*. Vol. 35. P. 87—105. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-070308-115920>.

DeFalco S., Esposito G., Venuti P., Bornstein M. H. (2008) Father's Play with Their Down Syndrome Children. *Journal of Intellectual Disability Research*. Vol. 52. No. 6. P. 490—502. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2788.2008.01052.x>.

DeGarmo D., Reid J., Leve L., Chamberlain P., Knutson J. (2010) Patterns and Predictors of Growth in Divorced Fathers' Health Status and Substance Use. *American Journal of Men's Health*. Vol. 4. No. 1. P. 60—70. <https://doi.org/10.1177/1557988308329454>.

DeGeer I., Carolo H., Minerson T. (2014) Give Love, Get Love: The Involved Fatherhood and Gender Equality Project. Toronto: White Ribbon Campaign.

de Graaf P. M., Kalmijn M., Kraaykamp G., Monden C. W. S. (2011) Sociaal-Culturele Verschillen Tussen Turken, Marokkanen en Autochtonen: Eerste Resultaten van de Nederlandse Levens Loop Studie (NELLS). *Bevolkingstrends*. No. 4. P. 61—70.

Demographic Reports (2014) Vol. 1. Stockholm: Statistic Sweden.

Demuth S., Brown S. L. (2004) Family Structure, Family Processes, and Adolescent Delinquency: The Significance of Parental Absence versus Parental Gender. *Journal of Research in Crime and Delinquency*. Vol. 41. No. 1. P. 58—81. <https://doi.org/10.1177/0022427803256236>.

Docherty F., Dimond R. (2018) “Yeah that Made a Big Difference!”: The Importance of the Relationship between Health Professionals and Fathers Who Have a Child with Down Syndrome. *Journal of Genetic Counseling*. Vol. 27. No. 3. P. 665—674. <https://doi.org/10.1007/s10897-017-0171-y>.

Doherty W. J., Kouneski E. F., Erickson M. F. (1998) Responsible Fathering: An Overview and Conceptual Framework. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 60. No. 2. P. 277—292. <https://doi.org/10.2307/353848>.

Donati P., Prandini R. (2007) The Family in the Light of a New Relational Theory of Primary, Secondary, and Generalized Social Capital. *International Review of Sociology*. Vol. 17. No. 2. P. 209—223. <https://doi.org/10.1080/03906700701356812>.

Dispelling Myths about Unmarried Fathers. (2000) Fragile Families Research Brief. No. 1. Princeton, NJ: Bedheim-Thoman Center for Research on Child Wellbeing, Princeton University. URL: <https://fragilefamilies.princeton.edu/sites/fragilefamilies/files/researchbrief1.pdf> (accessed: 04.09.2020).

Dufur M., Howell N. C., Downey D. B., Ainsworth J. W., Lapray A. J. (2010) Sex Differences in Parenting Behaviors in Single-Mother and Single-Father Households. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 72. No. 5. P. 1092—1106. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00752.x>.

Duhig A. M., Phares V., Birkeland R. W. (2002) Involvement of Fathers in Therapy: A Survey of Clinicians. *Professional Psychology: Research and Practice*. Vol. 33. No. 4. P. 389—395. <https://doi.org/10.1037/0735-7028.33.4.389>.

Dyer W. J. (2005) Prison, Fathers, and Identity: A Theory of How Incarceration Affects Men's Paternal Identity. *Fathering*. Vol. 3. No. 3. P. 201—219. <https://doi.org/10.3149/fth.0303.201>.

EGGEBEEN D., KNOESTER C. (2001) Does Fatherhood Matter for Men? *Journal of Marriage and Family*. Vol. 63. No. 2. P. 381—393. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2001.00381.x>.

ERICH S., KANENBERG H., CASE K., ALLEN T., BOGDANOS T. (2009) An Empirical Analysis of Factors Affecting Adolescent Attachment in Adoptive Families with Homosexual and Straight Parents. *Children and Youth Services Review*. Vol. 31. No. 3. P. 398—404. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2008.09.004>.

EWART-BOYLE S., MANKTELOW R., MCCOLGAN M. (2015) Social Work and the Shadow Father: Lessons for Engaging Fathers in Northern Ireland. *Child and Family Social Work*. Vol. 20. No. 4. P. 470—479. <https://doi.org/10.1111/cfs.12096>.

FABRICIUS W. V. (2003) Listening to Children of Divorce: New Findings that Diverge from Wallerstein, Lewis and Blakeslee. *Family Relations*. Vol. 52. No. 4. P. 385—396. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2003.00385.x>.

FALK N. H., NORRIS K., QUINN M. G. (2014) The Factors Predicting Stress, Anxiety and Depression in the Parents of Children with Autism. *Journal of Autism and Developmental Disorders*. Vol. 44. No. 12. P. 3185—3203. <https://doi.org/10.1007/s10803-014-2189-4>.

FAGAN J., KAUFMAN R. (2015) Reflections on Theory and Outcome Measures for Fatherhood Programs. *Families in Society. The Journal of Contemporary Social Services*. Vol. 96. No. 2. P. 133—140. <https://doi.org/10.1606/1044-3894.2015.96.19>.

FÄGERSKIÖLD A. (2006) Support of Fathers of Infants by the Child Nurse. *Scandinavian Journal of Caring Science*. Vol. 20. No. 1. P. 79—85. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6712.2006.00383.x>.

FLETCHER R., MAY C., STGEORGE J., STOKER L., OSHAN M. (2014) *Engaging Fathers: Evidence Review*. Canberra: Australian Research Alliance for Children and Youth (ARACY).

FLOOD M. (2004) Backlash: Angry Men's Movements. In: Rossi S. E. (ed.) *The Battle and Backlash Rage On: Why Feminism Cannot be Obsolete*. Philadelphia, PA: Xlibris. P. 261—342.

FLOURI E., BUCHANAN A. (2002) What Predicts Good Relationships with Parents in Adolescence and Partners in Adult Life: Findings from the 1958 British Birth Cohort. *Journal of Family Psychology*. Vol. 16. No. 2. P. 186—198. <https://doi.org/10.1037/0893-3200.16.2.186>.

FLOURI R., BUCHANAN A. (2003) The Role of Father Involvement and Mother Involvement in Adolescents' Psychological Well-Being. *British Journal of Social Work*. Vol. 33. No. 3. P. 399—406. <https://doi.org/10.1093/bjsw/33.3.399>.

FRANK T. J., KEOWN L. J., DITTMAN C. K., SANDERS M. R. (2015) Using Father Preference Data to Increase Father Engagement in Evidence based Parenting Programs. *Journal of Child and Family Studies*. Vol. 24. No. 3. P. 937—947. <https://doi.org/10.1007/s10826-014-9904-9>.

Franck E. J. (2001) Outreach to Birthfathers of Children in Out-of-Homecare. *Child Welfare*. Vol. 80. No. 3. P. 381—399.

Gadsden V. L., Rethemeyer R. K. (2003) Linking Father Involvement and Parental Incarceration: Conceptual Issues in Research and Practice. In: Gadsden V. L. (ed.) *Heading Home: Offender Reintegration into the Family*. Lanham, MD: American Correctional Association. P. 39—88.

Gates G. J. (2015) Marriage and Family: LGBT Individuals and Same-Sex Couples. *Future of Children*. Vol. 25. No. 2. P. 67—87. <https://doi.org/10.1353/foc.2015.0013>.

Gato J., Santos S., Fontaine A. M. (2017) To Have or Not to Have Children? That Is the Question. Factors Influencing Parental Decisions among Lesbians and Gay Men. *Sexuality Research and Social Policy*. Vol. 14. No. 3. P. 310—323. <https://doi.org/10.1007/s13178-016-0268-3>.

Gillies V. (2009) Understandings and Experiences of Involved Fathering in the United Kingdom: Exploring Classed Dimensions. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 624. No. 1. P. 49—60. <https://doi.org/10.1177/0002716209334295>.

Gorman K., Gregory M., Hayles M., Parton N. (eds.) (2006) *Constructive Work with Offenders*. London: Jessica Kingsley.

Goldberg A. E., Downing J. B., Moyer A. M. (2012) Why Parenthood and Why Now? Gay Men's Motivations for Pursuing Parenthood. *Family Relations: An Interdisciplinary Journal of Applied Family Studies*. Vol. 61. No. 1. P. 157—174. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2011.00687.x>.

Goldberg A. E., Smith J. Z. (2013) Predictors of Psychological Adjustment in Early Placed Adopted Children with Lesbian, Gay, and Heterosexual Parents. *Journal of Family Psychology*. Vol. 27. No. 3. P. 431—442. <https://doi.org/10.1037/a0032911>.

Golombok S., Mellish L., Jennings S., Casey P., Birkbeck F. T., Lamb M. E. (2014) Adoptive Gay Father Families: Parent-Child Relationships and Children's Psychological Adjustment. *Child Development*. Vol. 85. No. 2. P. 456—468. <https://doi.org/10.1111/cdev.12155>.

Gopalan G., Goldstein L., Klingenstein K., Sicher C., Blake C., McKay M. M. (2010) Engaging Families into Child Mental Health Treatment: Updates and Special Considerations. *Journal of Canadian Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. Vol. 19. No. 3. P. 182—196.

Grunow D., Begall K., Buchler S. (2018) Gender Ideologies in Europe: A Multidimensional Framework. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 80. No. 3. P. 42—60. <https://doi.org/10.1111/jomf.12453>.

Hairston C. F. (2001) Fathers in Prison: Responsible Fatherhood and Responsible Public Policies. *Marriage & Family Review*. Vol. 32. No. 3—4. P. 111—136. https://doi.org/10.1300/j002v32n03_07.

Haux T., Platt L., Rosenberg R. (2015) Parenting and Post-Separation Contact: What Are the Links? London: Centre for Analysis of Social Exclusion (CASE).

Hawkins D. N., Amato P. R., King V. (2006) Parent-Adolescent Involvement: The Relative Influence of Parent Gender and Residence. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 68. No. 1. P. 125—136. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2006.00238.x>.

Heath A., Rothon C., Kilpi E. (2008) The Second Generation in Western Europe: Education, Unemployment, and Occupational Attainment. *Annual Review of Sociology*. Vol. 34. P. 211—235. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.34.040507.134728>.

Heilman B., Levtoy R., van der Gaag N., Hassink A., Barker G. (2017) State of the World's Fathers: Time for Action. Washington, DC: Promundo, Sonke Gender Justice, Save the Children, Men Engage Alliance.

Helyer-Cardwell V. (2012) Fathers for Good? Exploring the Impact of Becoming a Young Father on Young Offenders' Desistance from Crime. *Safer Communities*. Vol. 11. No. 4. P. 169—178. <https://doi.org/10.1108/17578041211271436>.

Hobson B., Lewis J., Siim B. (2002) Contested Concepts in Gender and Social Politics. Cheltenham: Edward Elgar. <https://doi.org/10.4337/9781781950340>.

Hofferth S. L., Forry N. D., Peters H. E. (2010) Child Support, Father-Child Contact, and Preteens' Involvement with Nonresidential Fathers: Racial/Ethnic Differences. *Journal of Family and Economic Issues*. Vol. 31. No. 1. P. 14—32. <https://doi.org/10.1007/s10834-009-9172-9>.

Hofferth S., Pleck J., Stueve J. L., Bianchi S., Sayer L. (2002) The Demography of Fathers: What Fathers Do. In: Tamis-LeMonda C., Cabrera N. (eds.) *Handbook of Father Involvement*. Mahwah, NJ; London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers. P. 63—90. <https://doi.org/10.4324/9780203101414.ch8>.

Hook J. L., Chalasani S. (2008) Gendered Expectations? Reconsidering Single Fathers' Child Care Time. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 70. No. 4. P. 978—990. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2008.00540.x>.

Hook J. L., Wolfe C. M. (2012) New Fathers? Residential Fathers' Time with Children in Four Countries. *Journal of Family Issues*. Vol. 33. No. 4. P. 415—450. <https://doi.org/10.1177/0192513x11425779>.

Hussey A., Kanjilal D., Nathan A. (2016) Disruption in Parental Co-habitation and Its Effects on Short-Term, Medium-Term, and Long-Term Outcomes of Adolescents. *Journal of Family and Economic Issues*. Vol. 37. No. 1. P. 58—74. <https://doi.org/10.1007/s10834-014-9435-y>.

Jinnah H. A., Stoneman Z. (2008) Parents' Experiences in Seeking Child Care for School Age Children with Disabilities — Where Does the System Break Down? *Children and Youth Services Review*. Vol. 30. No. 8. P. 967—977. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2007.11.020>.

- Jordan A. (2009) 'Dads Aren't Demons. Mums Aren't Madonnas.' Constructions of Fatherhood and Masculinities in the (Real) Fathers 4 Justice Campaign. *Journal of Social Welfare and Family Law*. Vol. 31. No. 4. P. 419—433. <https://doi.org/10.1080/09649060903430280>.
- Jordan A. (2018) Masculinizing Care? Gender, Ethics of Care, and Fathers' Rights Groups. *Men and Masculinities*. Vol. 23. No. 1. P. 20—41. <https://doi.org/10.1177/1097184X18776364>.
- Kalmijn M. (2007) Gender Differences in the Effects of Divorce, Widowhood and Remarriage on Intergenerational Support: Does Marriage Protect Fathers? *Social Forces*. Vol. 85. No. 3. P. 1079—1104. <https://doi.org/10.1353/sof.2007.0043>.
- Kalmijn M. (2008) The Effects of Separation and Divorce on Parent-Child Relationships in Ten European Countries. In: Saraceno Ch. (ed.) *Families, Ageing and Social Policy: Intergenerational Solidarity in European Welfare States*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 170—193. <https://doi.org/10.4337/9781848445147.00014>.
- Kalmijn M. (2010) Racial Differences in the Effects of Parental Divorce and Separation on Children: Generalizing the Evidence to a European Case. *Social Science Research*. Vol. 39. No. 5. P. 845—856. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2010.05.002>.
- Kalmijn M. (2015) Father-Child Relations after Divorce in Four European Countries: Patterns and Determinants. *Comparative Population Studies*. Vol. 40. No. 3. P. 251—276.
- Kennedy S., Fitch C. A. (2012) Measuring Cohabitation and Family Structure in the United States: Assessing the Impact of New Data from the Current Population Survey. *Demography*. Vol. 49. No. 4. P. 1479—1498. <https://doi.org/10.1007/s13524-012-0126-8>.
- King V., Harris K. M., Heard H. E. (2004) Racial and Ethnic Diversity in Nonresident Father Involvement. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 66. No. 1. P. 1—21. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2004.00001.x>.
- King V., Sobolewski J. M. (2006) Nonresident Fathers' Contribution to Adolescents' Wellbeing. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 68. No. 3. P. 537—557. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2006.00274.x>.
- King V. (2003) The Influence of Religion on Fathers' Relationships with Their Children. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 65. No. 2. P. 382—395. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2003.00382.x>.
- Knop B., Brewster K. L. (2016) Family Flexibility in Response to Economic Conditions: Fathers' Involvement in Child-Care Tasks. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 78. No. 2. P. 283—292. <https://doi.org/10.1111/jomf.12249>.
- Kossek E. E., Petty R. J., Bodner T. E., Perrigino M. B., Hammer L. B., Yragui N. L., Michel J. S. (2018) Lasting Impression: Transformational Leadership and Family Supportive Supervision as Resources for Well-Being and Performance. *Occupational Health Science*. Vol. 2. No. 1. P. 1—24. <https://doi.org/10.1007/s41542-018-0012-x>.

- Kramer K. Z., Kramer A. (2016) At-Home Father Families in the United States: Gender Ideology, Human Capital, and Unemployment. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 78. No. 5. P. 1315—1331. <https://doi.org/10.1111/jomf.12327>.
- Ladlow L., Neale B. (2016) Risk, Resource, Redemption? The Parenting and Custodial Experiences of Young Offender Fathers. *Social Policy & Society*. Vol. 15. No. 1. P. 113—127. <https://doi.org/10.1017/s1474746415000500>.
- Lamb M. E. (2002) Infant-father Attachments and Their Impact on Child Development. In: Cabrera N. J., Tamis-LeMonda C. S. (eds.) *Handbook of Father Involvement: Multidisciplinary Perspectives*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers. P. 93—117.
- Lamb M. E. (ed.) (2004) *The Role of the Father in Child Development*. Hoboken, NJ: Wiley. <https://doi.org/10.4324/9781410603500>.
- Lamb M. E. (2010) How Do Fathers Influence Children's Development? Let Me Count the Ways. In: Lamb M. E. (ed.) *The Role of the Father in Child Development*. Hoboken, NJ: Wiley. P. 1—26.
- Lamb M., Lewis C. (2013) Father-Child Relationships. In: Cabrera N. J., Tamis-LeMonda C. S. (eds.) *Handbook of Father Involvement: Multidisciplinary Perspectives, Second Edition*. New York, NY: Routledge. P. 119—134. <https://doi.org/10.4324/9780203101414.ch7>.
- Laporte L., Jiang D., Pepler D. J., Chamberland C. (2011) The Relationship between Adolescents' Experience of Family Violence and Dating Violence. *Youth & Society*. Vol. 43. No. 1. P. 3—27. <https://doi.org/10.1177/0044118x09336631>.
- LaRossa R. (1988) Fatherhood and Social Change. *Family Relations*. Vol. 37. No. 4. P. 451—457. <https://doi.org/10.2307/584119>.
- LaRossa R. (1997) *The Modernization of Fatherhood: A Social and Political History*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Lee Y., Hofferth S. L. (2017) Gender Differences in Single Parents' Living Arrangements and Child Care Time. *Journal of Child and Family Studies*. Vol. 26. No. 12. P. 3439—3451. <https://doi.org/10.1007/s10826-017-0850-1>.
- Leidy S., Schofield T. J., Parke R. D. (2013) Fathers' Contributions to Children's Social Development. In: Cabrera N. J., Tamis-LeMonda C. S. (eds.) *Handbook of Father Involvement: Multidisciplinary Perspectives, Second Edition*. New York, NY: Routledge. P. 151—167. <https://doi.org/10.4324/9780203101414.ch9>.
- Lemay C. A., Cashman S. B., Elfenbein D. S., Felice M. E. (2010) A Qualitative Study of the Meaning of Fatherhood among Young Urban Fathers. *Public Health Nursing*. Vol. 27. No. 3. P. 221—231. <https://doi.org/10.1111/j.1525-1446.2010.00847.x>.
- Lengersdorf D., Meuser M. (2016) Involved Fatherhood: Source of New Gender Conflicts? In: Ruspini E., Crespi I. (eds.) *Balancing Work and Family in a Changing Society. The Fathers' Perspective*. New York, NY: Palgrave Macmillan. P. 141—161. https://doi.org/10.1057/978-1-137-53354-8_10.

Levant R. (1997) The Masculinity Crisis. *Journal of Men's Studies*. Vol. 5. No. 3. P. 221—229. <https://doi.org/10.1177/106082659700500302>.

Levtov R. G., Barker G., Contreras-Urbina M., Heilman B., Verma R. (2014) Pathways to Gender-equitable Men: Findings from the International Men and Gender Equality Survey in Eight Countries. *Men and Masculinities*. Vol. 17. No. 5. P. 467—501. <https://doi.org/10.1177/1097184x14558234>.

Levtov R., van der Gaag N., Greene M., Kaufman M., Barker G. (2015) State of the World's Fathers: A Men Care Advocacy Publication. Washington, DC: Promundo, Rutgers, Save the Children, Sonke Gender Justice, the MenEngage Alliance.

Lin I-F. (2008) Consequences of Parental Divorce for Adult Children's Support of Their Frail Parents. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 70. No. 1. P. 113—128. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2007.00465.x>.

Lippman L. H., Wilcox B. W., Ryberg R. (2013) World Family Map 2013: Mapping Family Change and Child Well-Being Outcomes. Bethesda, MD: Child Trends.

Lopoo L. M., DeLeire T. (2014) Family Structure and the Economic Wellbeing of Children in Youth and Adulthood. *Social Science Research*. Vol. 43. P. 30—44. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2013.08.004>.

Lynk M. (2015) Review of the Employee Occupational Exclusions Under the Ontario Labour Relations Act, 1995. Toronto: Queen's Printer for Ontario.

Manning W. D., Smock P. J. (1999) New Families and Nonresident Father-Child Visitation. *Social Forces*. Vol. 78. No. 1. P. 87—116. <https://doi.org/10.1093/sf/78.1.87>.

Manning W. D., Stewart S. D., Smock P. J. (2003) The Complexity of Fathers' Parenting Responsibilities and Involvement with Nonresident Children. *Journal of Family Issues*. Vol. 24. No. 5. P. 645—667. <https://doi.org/10.1177/0192513x03024005004>.

Marsiglio W. (2009). Men's Relations with Kids: Exploring and Promoting the Mosaic of Youth Work and Fathering. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 624. No. 1. P. 118—138. <https://doi.org/10.1177/0002716209334696>.

Maruna S. (2001) Making Good: How Ex-Convicts Reform and Rebuild Their Live. Washington, DC: American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/10430-000>.

McConnell N., Taylor J. (2016) Evaluating Programmes for Violent Fathers: Challenges and Ethical Review. *Child Abuse Review*. Vol. 25. No. 3. P. 183—191. <https://doi.org/10.1002/car.2342>.

McLaughlin J., Hennebry J., Haines T. (2014) Paper versus Practice: Occupational Health and Safety Protections and Realities for Temporary Foreign Agricultural Workers in Ontario. *Perspectives interdisciplinaires sur le travail et la santé*. Vol. 16. No. 2. <https://doi.org/10.4000/pistes.3844>.

McLaughlin J., Wells D., Mendiburo A. D., Lyn A., Vasilevska B. (2017) Temporary Workers, Temporary Fathers: Transnational Family Impacts of Canada's Seasonal

Agricultural Worker Program. *Industrial Relations*. Vol. 72. No. 4. P. 682—709. <https://doi.org/10.7202/1043172ar>.

McNeill F., Weaver B. (2010) Changing Lives? Desistance Research and Offender Management. Project Report. Glasgow: The Scottish Centre for Crime and Social Justice Research.

Meadan H., Parette H. P., Doubet S. (2013) Fathers of Young Children with Disabilities: Experiences, Involvement, and Needs. In: Pattnaik J. (ed.) *Father Involvement in Young Children's Lives: A Global Analysis*. Dordrecht: Springer. P. 153—167. https://doi.org/10.1007/978-94-007-5155-2_9.

Meek R. (2007) Parenting Education for Young Fathers in Prison. *Child and Family Social Work*. Vol. 12. No. 3. P. 239—247. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2206.2007.00456.x>.

Meek R. (2011) The Possible Selves of Young Fathers in Prison. *Journal of Adolescence*. Vol. 34. No. 5. P. 941—949. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2010.12.005>.

Messner M. (2000) *Politics of Masculinities: Men in Movements*. Thousand Oaks, CA; London: Sage.

Miller R. R., Browning S. L., Sprauce L. M. (2001) An Introduction and Brief Review of the Impacts of Incarceration on the African American Family. *Journal of African American Men*. Vol. 6. No. 1. P. 3—12. <https://doi.org/10.1007/s12111-001-1010-6>.

Miller T. (2011) Falling Back into Gender? Men's Narratives and Practices around First-time Fatherhood. *Sociology*. Vol. 45. No. 3. P. 1094—1109. <https://doi.org/10.1177/0038038511419180>.

Morawska A., Tometzki H., Sanders M. R. (2014) An Evaluation of the Efficacy of a Triple P Positive Parenting Program Podcast Series. *Journal of Developmental & Behavioral Pediatrics*. Vol. 35. No. 3. P. 128—137. <https://doi.org/10.1097/dbp.000000000000020>.

Morgan D. (2006) The Crisis in Masculinity. In: Davis K., Evans M., Lorber J. (eds.) *Handbook of Gender and Women's Studies*. London: Sage. P. 108—125.

Mosley J., Thomson, E. (1995) Fathering Behavior and Child Outcomes: The Role of Race and Poverty. In: Marsiglio W. (ed.) *Research on Men and Masculinities. Series 7. Fatherhood: Contemporary Theory, Research and Social Policy*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 148—165. <https://doi.org/10.4135/9781483327242.n8>.

Moss P. (ed.) (2013) *International Review of Leave Policies and Related Research*. London: International Network on Leave Policies and Research.

Musick K., Michelmore K. (2014) Change in the Stability of Marital and Cohabiting Unions Following the Birth of a Child. Los Angeles, CA: California Center for Population Research.

Neale B., Lau-Clayton C. (2014) Young Parenthood and Cross Generational Relationships: The Perspectives of Young Fathers. In: Holland J., Edwards R. (eds.)

Understanding Families over Time: Research and Policy. London: Palgrave Macmillan. P. 69—87. https://doi.org/10.1057/9781137285089_4.

Nielsen L. (2014) Shared Physical Custody: Summary of 40 Studies on Outcomes for Children. *Journal of Divorce & Remarriage*. Vol. 55. No. 8. P. 613—635. <https://doi.org/10.1080/10502556.2014.965578>.

O'Donnell J.M. (1999) Casework Practice with Fathers of Children in Kinship Foster Care. In: Gleeson J.P., Hairston C.F. (eds.) *Kinship Care: Improving Practice through Research*. Washington, DC: The Child Welfare League of America Press. P. 167—188. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195109405.003.0003>.

Otero G., Preibisch K. (2009) Farmworker Health and Safety: Challenges for British Columbia. Vancouver: WorkSafeBC.

Pakeeza S., Chishti A.A. (2012) Custody and Guardianship of Children According to Muslim Jurisprudence in Pakistan. *Academic Research International*. Vol. 3. No. 2. P. 461—465.

Parental Responsibility for Unmarried Fathers and Contact with Children Post-Separation. (2014) Belfast: Department of Finance and Personnel. URL: <https://www.finance-ni.gov.uk/consultations/parental-responsibility-unmarried-fathers-and-contact-children-post-separation> (accessed: 04.09.2020).

Parke R. D. (1996) *Fatherhood*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Pears K. C., Pierce S. L., Kim H. K., Capaldi D. M., Owen, L. D. (2005) The Timing of Entry Into Fatherhood in Young, At-Risk Men. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 67. No. 2. P. 429—447. <https://doi.org/10.1111/j.0022-2445.2005.00126.x>.

Perelli-Harris B., Kreyenfeld M., Sigle-Rushton W., Keize R., Lappegård T., Jasilioniene A., Berghammer C., Di Giulio P. (2012) Changes in Union Status During the Transition to Parenthood in Eleven European Countries, 1970s to early 2000s. *Population Studies*. Vol. 66. No. 2. P. 167—182. <https://doi.org/10.1080/00324728.2012.673004>.

Pfitzer N., Humphreys C., Hegarty K. (2017) Research Review: Engaging men: a multi-level model to support father engagement. *Child and Family Social Work*. Vol. 22. No. 1. P. 537—547. <https://doi.org/10.1111/cfs.12250>.

Plantin L., Olukoya A. A., Ny P. (2011) Positive Health Outcomes of Fathers' Involvement in Pregnancy and Childbirth Paternal Support: A Scope Study Literature Review. *Fathering*. Vol. 9. No. 1. P. 87—102. <https://doi.org/10.3149/fth.0901.87>.

Pleck J. (1987) *The Myth of Masculinity*. Cambridge, MA: MIT Press.

Poole M. K., Seal D. W., Taylor C. A. (2014) A Systematic Review of Universal Campaigns Targeting Child Physical Abuse Prevention. *Health Education Research*. Vol. 29. No. 3. P. 388—432. <https://doi.org/10.1093/her/cyu012>.

Poole E., Speight S., O'Brien M., Connolly S., Aldrich M. (2016) Who are Non-Resident Fathers? A British Socio-Demographic Profile. *Journal of Social Policy*. Vol. 45. No. 2. P. 223—250. <https://doi.org/10.1017/s0047279415000653>.

- Preibisch K. (2010) Pick-Your-Own Labor: Migrant Workers and Flexibility in Canadian Agriculture. *International Migration Review*. Vol. 44. No. 2. P. 404—441. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2010.00811.x>.
- Rankin J. A., Paisley C. A., Tomeny T. S., Eldred S. W. (2019) Fathers of Youth with Autism Spectrum Disorder: A Systematic Review of the Impact of Fathers' Involvement on Youth, Families, and Intervention. *Clinical Child and Family Psychology Review*. Vol. 22. No. 4. P. 458—477. <https://doi.org/10.1007/s10567-019-00294-0>.
- Regnerus M. (2012) How Different are the Adult Children of Parents Who Have Same-Sex Relationships? Findings from the New Family Structures Study. *Social Science Research*. Vol. 41. No. 4. P. 752—770. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2012.03.009>.
- Rosenberg J., Wilcox W. B. (2006) The Importance of Fathers in the Healthy Development of Children. Washington, D.C.: U.S. Department of Health and Human Services.
- Rosenfeld M. J. (2010) Nontraditional Families and Childhood Progress through School. *Demography*. Vol. 47. No. 3. P. 755—775. <https://doi.org/10.1353/dem.0.0112>.
- Rosenzweig J. M., Brennan E. M., Huffstutter K. J., Bradley J. R. (2008) Child Care and Employed Parents of Children with Emotional or Behavioral Disorders. *Journal of Emotional and Behavioral Disorders*. Vol. 16. No. 2. P. 78—89. <https://doi.org/10.1177/1063426607312538>.
- Ruby S., Scholz S. (2018) Care, Care Work and the Struggle for a Careful World from the Perspective of the Sociology of Masculinitie. *Österreichische Zeitschrift für Soziologie*. No. 43. P. 73—83. <https://doi.org/10.1007/s11614-018-0284-z>.
- Sarkadi A., Kristiansson R., Oberklaid F., Bremberg S. (2008) Fathers' Involvement and Children's Developmental Outcomes: A Systematic Review of Longitudinal Studies. *Acta Paediatrica*. Vol. 97. No. 2. P. 153—158. <https://doi.org/10.1111/j.1651-2227.2007.00572.x>.
- Schacht P. M., Cummings E. M., Davies P. T. (2009) Fathering in Family Context and Child Adjustment: A Longitudinal Analysis. *Journal of Family Psychology*. Vol. 23. No. 6. P. 790—797. <https://doi.org/10.1037/a0016741>.
- Scott M., Peterson K., Ikramullah E., Manlove J. (2013) Multiple Partner Fertility Among Nonresident Fathers. In: Cabrera N. J., Tamis-LeMonda C. S. (eds.) *Handbook of Father Involvement: Multidisciplinary Perspectives, Second Edition*. New York, NY: Routledge. P. 97—115. <https://doi.org/10.4324/9780203101414.ch6>.
- Secret M. (2012) Incarcerated Fathers: Exploring the Dimensions and Prevalence of Parenting Capacity of Non-Violent Offenders. *Fathering*. Vol. 10. No. 2. P. 159—177. <https://doi.org/10.3149/ft.1002.159>.
- Sellmaier C. (2019) Integrating Work and Family Responsibilities: Experiences of Fathers of Children with Special Health Care Needs. *Journal of Child and Family Studies*. Vol. 28. No. 2. P. 3022—3036. <https://www.doi.org/10.1007/s10826-019-01478-6>.

- Seltzer J. A., Bianchi S. M. (2013) Demographic Change and Parent-Child Relationships in Adulthood. *Annual Review of Sociology*. Vol. 39. P. 275—290. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-071312-145602>.
- Shwalb D. W., Shwalb B. J., Lamb M. E. (eds) (2013) *Fathers in Cultural Context*. New York, NY; London: Psychology Press. <https://doi.org/10.1111/etho.12091>.
- Smart C., May V. (2004) Why Can't They Agree? The Underlying Complexity of Contact and Residence Disputes. *Journal of Social Welfare and Family Law*. Vol. 26. No. 4. P. 347—360. <https://doi.org/10.1080/0964906042000334046>.
- Sorakin Y., Altınay Z., Cerkez Y. (2019) Father Psycho-Education Program for Developing Interaction with Children: Disability Program Development. *International Journal of Disability, Development and Education*. Vol. 66. No. 5. P. 528—540. <https://doi.org/10.1080/1034912x.2019.1642457>.
- Swisher R. R., Waller M. R. (2008) Confining Fatherhood: Incarceration and Paternal Involvement among Nonresident White, African American, and Latino Fathers. *Journal of Family Issues*. Vol. 29. No. 8. P. 1067—1088. <https://doi.org/10.1177/0192513x08316273>.
- Swiss L., Le Bourdais C. (2009) Father-Child Contact after Separation: The Influence of Living Arrangements. *Journal of Family Issues*. Vol. 30. No. 5. P. 623—652. <https://doi.org/10.1177/0192513x08331023>.
- Tan L. H., Quinlivan J. A. (2006) Domestic Violence, Single Parenthood, and Fathers in the Setting of Teenage Pregnancy. *Journal of Adolescent Health*. Vol. 38. No. 3. P. 201—207. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2004.10.014>.
- Taylor C. A., Lee S. J., Guterman N. B., Rice J. C. (2010) Use of Spanking for 3-Year Old Children and Associated Intimate Partner Aggression or Violence. *Pediatrics*. Vol. 126. No. 3. P. 415—424. <https://doi.org/10.1542/peds.2010-0314>.
- The Parliamentary Inquiry into Parenting and Social Mobility. (2015) London: All Party Parliamentary Group on Parents and Families, All Party Parliamentary Group on Social Mobility. https://doi.org/10.1163/2210-7975_hrd-5555-2014005.
- Torres M., Deane F. P., Sng R., Quinlan E. (2018) Black Box Parenting Program for Substance-Abusing Fathers: A Feasibility Study. *Australian and New Zealand Journal of Family Therapy*. Vol. 39. No. 4. P. 472—486. <https://doi.org/10.1002/anzf.1329>.
- Turbiville V. P., Marquis J. G. (2001) Father Participation in Early Education Programs. *Topics in Early Childhood Special Education*. Vol. 21. No. 4. P. 223—231. <https://doi.org/10.1177/027112140102100403>.
- Tully L. A., Piotrowska P. J., Collins D. A. J., Mairet K. S., Hawes D. J., Kimonis E. R., Lenroot R. K., Moul C., Anderson V., Frick P. J., Dadds M. R. (2017a) Study Protocol: Evaluation of an Online, Father-Inclusive, Universal Parenting Intervention to Reduce Child Externalising Behaviours and Improve Parenting Practices. *BMC Psychology*. Vol. 5. No. 1. <https://doi.org/10.1186/s40359-017-0188-x>.

- Tully L. A., Piotrowska P. J., Collins D. A. J., Mairet K. S., Black N., Kimonis E. R., Hawes D. J., Moul C., Lenroot R. K., Frick P. J., Anderson V., Dadds M. R. (2017b) Optimizing Child Outcomes from Parenting Interventions: Fathers' Experiences, Preferences and Barriers to Participation. *BMC Public Health*. Vol. 17. No. 1. <https://doi.org/10.1186/s12889-017-4426-1>.
- Tully L. A., Piotrowska P. J., Collins D. J., Frick P. J., Anderson V., Moul C., Lenroot R. K., Kimonis E. R., Hawes D., Dadds, M. R. (2019) Evaluation of "The Father Effect" Media Campaign to Increase Awareness of, and Participation in, an Online Father-Inclusive Parenting Program. *Health Communication*. Vol. 34. No. 12. P. 1423—1432. <https://doi.org/10.1080/10410236.2018.1495160>.
- van de Luitgaaden G., van der Tier M. (2018) Establishing Working Relationships in Online Social Work. *Journal of Social Work*. Vol. 18. No. 3. P. 307—325. <https://doi.org/10.1177/1468017316654347>.
- van Tubergen F., Maas I., Flap H. (2004) The Economic Incorporation of Immigrants in 18 Western Societies: Origin, Destination and Community Effects. *American Sociological Review*. Vol. 69. No. 5. P. 704—727. <https://doi.org/10.1177/000312240406900505>.
- Venter K. (2011) Fathers Care Too: The Impact of Family Relationships on the Experience of Work for Parents of Disabled Children. *Sociological Research Online*. Vol. 16. No. 3. P. 66—81. <https://doi.org/10.5153/sro.2441>.
- Walker L. (2010) His Mam, My Dad, My Girlfriend, Loads of People Used to Bring Him up': The Value of Social Support for(ex) Offender Fathers. *Child and Family Social Work*. Vol. 15. No. 2. P. 238—247. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2206.2009.00664.x>.
- Ward T., Mann R. E., Gannon T. A. (2007) The Good Lives Model of Offender Rehabilitation: Clinical Implications. *Aggression and Violent Behaviour*. Vol. 12. No. 1. P. 87—107. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2006.03.004>.
- West C., Honey A. (2016) The Involvement of Fathers in Supporting a Young Person Living with Mental Illness. *Journal of Child and Family Studies*. Vol. 25. No. 2. P. 574—587. <https://doi.org/10.1007/s10826-015-0230-7>.
- Wilderman C. (2010) Paternal Incarceration and Children's Physically Aggressive Behaviors: Evidence from the Fragile Families Study. *Social Forces*. Vol. 89. No. 1. P. 285—310. <https://doi.org/10.1353/sof.2010.0055>.
- Wilson K. R., Prior M. R. (2011) Father Involvement and Child Well-Being. *Journal of Paediatrics and Child Health*. Vol. 47. No. 7. P. 405—407. <https://doi.org/10.1111/j.1440-1754.2010.01770.x>.
- Whitehead S. (2002) *Men and Masculinities: Key Themes and New Directions*. Cambridge: Polity.
- Zhang Z., Hayward M. (2006) Gender, the Marital Life Course, and Cardiovascular Disease in Late Midlife. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 68. No. 3. P. 639—657. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2006.00280.x>.